

Роман Максишко ПАВЛИНИЙ ХВОСТ

Глава 1. Дневник Великанова

12 сентября 1932 года

Деревенька, в которой мы встали лагерем, на местном наречии называется Уарирамба, что значит «прибежище уари» — коренного народа, населявшего в доинковские времена практически всю центральную часть Южной Америки: от Перу и северной части Чили на востоке до Колумбии и Венесуэлы на севере, включая значительные районы нынешней Бразилии, Боливии и даже Парагвая. Зажатая между девственным тропическим лесом и речкой Исаной, впадающей в живописную темноводную Риу-Негро, она отвоёвала у джунглей несколько гектаров плодородной земли, где местные крестьяне выращивают свой маис, именуемый здесь по старинке «сара», а также сладкий корень сафи, напоминающий морковь, йуйу — по-нашему репу, клубни

рассыпчатой папы и еще какие-то диковинные руру, что на древнем языке кечуа означает просто «плоды».

Больше всего на свете туземцы ценят пача, что значит покой, а также сытость — саксай. В единстве и борьбе этих двух противоположностей: природной лени и неумного трудолюбия, особенно во время аймураи — периода сбора урожая — рождается их удивительный характер величавого и медитативного спокойствия, пронизанного состоянием куси, которое мы — европейцы — назвали бы просто счастьем. Да, они по-своему счастливы, эти неторопливые мудрые люди, которые уважительно побаиваются нас, и одновременно посмеиваются над нашей ученостью. Им чужды наши методы познания мира, но они допускают возможность их существования, словно давно уже открыли все тайны природы и теперь с любопытством наблюдают, как это делаем мы.

Вот уже две недели мы стоим здесь, совершая кратковременные

маршруты по окрестностям Уарирамбы, стараясь пополнить коллекцию растений бассейна Амазонки, необходимую для исследований в области молодой перспективной науки генетики, такой нужной для нашего народного хозяйства. Приятно, черт возьми, осознавать себя на переднем рубеже исследований ВАСХНИЛ — еще бы, нашей-то пшенице да тропическую тучность и плодовитость — это ли не цель?!

Сегодня Николай Иванович сообщил нам, что мы, наконец, получили разрешение колумбийских властей на проведение исследований в междуречье Исаны и Инириды. Хорошая новость! А то ведь мы уже начали опасаться, что не успеем завершить работы до сезона дождей.

Вите Ковтуну и Густаву Хиппелю как самым молодым членам нашей экспедиции поручили взять на себя всю подготовку к семидневной вылазке, в ходе которой предстоит провести разведку и определить наиболее перспективные точки для дальнейшего детального изучения. Я вызвался помочь им. Уж очень по

душе пришлось мне этот молодой пытливый немец, поражавший всех вокруг своим великолепным знанием испанского языка. Он быстро учился и схватывал все буквально на лету, чем вызывал заслуженное уважение. Да и веселый, но немного безалаберный аспирант из Киева оказался весьма толковым человеком. Однако за ними обоими нужен был глаз да глаз.

Наш проводник и переводчик Карлуш Роналду также подключился к работе. Добродушный бразильский индеец-метис, имя которого все стараются произносить на португальский манер, с энтузиазмом взялся проверять снаряжение, стаскивать к реке и грузить в лодки тяжеленные мешки с палатками, тюки с провизией, а также ящики с научным оборудованием, патронами и инструментами для земляных работ. Завтра на рассвете мы преодолеем водную границу между Бразилией и Колумбией и отправимся на рекогносцировку.

Странно, но в последние дни меня постоянно посещает некое волнующее предчувствие. Думается, девственные дебри Амазонки

преподнесут нам еще немало сюрпризов и открытий.

* * *

Сергей тяжело вздохнул, отвел усталый взгляд от пожелтевших, испещренных мелким почерком, страниц старого полевого дневника и посмотрел в окно. В кабинете было тихо и темно, и лишь старая университетская лампа, стоящая на заваленном бумагами рабочем столе, немного слепила своим острым лучом желтовато-зеленоватого света. Ночная Москва, погруженная в чуткую полудрему обычно суетливой столицы, как черная дыра засасывала сознание молодого ученого, и вот за стеклом ему уже виделась не промозглая осенняя темень, в которой едва угадывались футуристические контуры мачт освещения большой спортивной арены Лужников, а вечнозеленые леса Амазонки, наполненные пронзительными криками обезьян, иступленным хохотом попугаев, жужжанием злобных moskitov и мерным плеском волн полноводной реки, теряющейся в непролазных джунглях, томно дышащих тропической сыростью.

«Какими, все-таки, непредсказуемо замысловатыми путями сплетаются человеческие судьбы, особенно если проследить их в разрезе

множества лет, — мечтательно думал Сергей, бережно поглаживая тонкими пальцами выдавшую виды тетрадку в потертом кожаном переплете, некогда принадлежавшую легендарному профессору Юрию Александровичу Великанову, стоявшему у истоков биогеохимии. — Сколько воды утекло с тех пор... Сколько людей промелькнуло перед глазами вечности — и ярко сиявших, и едва оставивших свой незначительный след в мировой истории. Какие события, какие фантастические виражи неповоротливой колесницы судьбы привели к тому, что мысли опального исследователя, друга и соратника самого Вавилова и не менее знаменитого академика Виноградова, теперь вплетаются в канву моих собственных рассуждений, словно мы неспешно беседуем, сидя у костра в далекой Колумбии?»

Сергей Гуцин, аспирант кафедры геохимии геологического факультета МГУ, был долговязым молодым человеком лет двадцати пяти, немного угловатым и неловким, слегка рассеянным и неуклюжим, но страстным и открытым, как и большинство настоящих служителей Минервы, за что и получил прозвище Паганель. Сначала так называли его однокурсники, а потом и вся кафедра. Сергей самозабвенно любил науку и нередко представлял ее таким магическим кристаллом, через призму которого он взирал на окружающий

мир, и искренне считал, что вселенной правит мудрость и справедливость, а потому думал, что несет свою вахту на передовых рубежах прогресса и своим служением причастен к великой миссии, ибо только познание и истина может служить ключом, открывающим врата счастья для всего трудового народа. Он был настоящим ученым и работал не за рублевый пряник, и не во имя тщеславия, но знал, что делает великое дело, и гордился этим. Эти чувства наполняли жизнь юного дарования особым смыслом.

За это его многие недолюбливали, завидуя упорству талантливого аспиранта, но многие и любили. Любил его и Лев Михайлович Макаровский.

Старый профессор испытывал к своему подопечному какие-то совершенно необъяснимые и неформально нежные чувства, какие бывают, скорее, у отца к сыну, тем более что своих собственных детей у корифея науки не было. Да и Сергей, с детства нуждавшийся в отеческой мужской поддержке, подсознательно тянулся к старику.

Еще на первом курсе Макаровский заметил толкового студента. Вообще, начальные курсы университета всегда были такими грандиозными смотрами. Вчерашние школьники, вдруг в одночасье повзрослевшие и распрощавшиеся со старым жизненным укладом, активно, но неумело

приноравливались к новым порядкам, и жизнь бурлила. Преподаватели присматривались к студентам, желая поскорее узнать, не залетела ли к ним на огонек какая-нибудь новая выдающаяся личность. Студенты же по большей части присматривались к студенткам. Студентки, в свою очередь, присматривались ко всему: и к мальчикам, и к девочкам, и к преподавателям — в основном, конечно, молодым и перспективным.

Но по-настоящему отношения профессора с Паганелем начали формироваться только тогда, когда молодой человек преодолел водораздел третьего курса. К тому времени самоопределение студентов во многом завершилось: кто-то покидал стены университета, понимая, что случайно забрел не туда, кто-то продолжал учебу. Сергей Гушин, естественно, остался на факультете и принялся за написание своей первой курсовой работы под научным руководством Макарского. Пытливый ум юного студента, его исполнительность, работоспособность и покладистость изумляли и привлекали убеленного сединами профессора. В этом скромном парнишке он узнавал себя молодого и понимал, что нашел настоящего ученика, а ученик нашел учителя. И Лев Михайлович рьяно взялся за работу. Не считаясь с трудностями, он потратил огромное количество сил и времени на огранку этого алмаза, уж очень профессору хотелось

открыть миру нового гения и великого ученого. Сергей же, как губка впитывал в себя премудрость, и был податливой глиной в руках мастера-наставника, который лепил его по своему образу и подобию, радуясь успехам ученика, и переживая по поводу каждой его неудачи.

Сегодня аспирант задержался на кафедре, разбирая старые документы и приводя в порядок научный архив Макарского. И о чудо! Среди пыльных бумаг и папок вдруг обнаружилась тетрадка полевых дневников Великанова. Как она здесь оказалась? Ведь в свое время сотрудники НКВД неплохо постарались, чтобы никаких следов врага народа и в помине не осталось.

Взволнованный находкой, Сергей совсем не заметил, как подкралась ночь. «Придется остаться здесь, — подумалось ему, — все равно метро уже закрыто, и домой не попасть. Хорошо хоть Ася уехала к отцу, а то переживала бы, наверное, а я, свинья такая, даже не позвонил».

Молодой человек еще раз вздохнул и снова бегло пролистал бесценные записи. Между последней страницей и обложкой лежали несколько типографских листочков, сложенных вчетверо. Это была вырезка из «Геологического альманаха» — сборника научных статей университетского издательства за 1939 год, — вышедшего в свет в ознаменование первой годовщины создания

геолого-почвенного факультета МГУ. Короткая заметка — последняя статья Великанова, написанная незадолго до трагических событий в его судьбе, — была затерта до дыр на сгибах, словно кто-то упорно хотел проникнуть в сокровенные мысли профессора, стараясь вычитать их между строк. Ведь почти сразу после публикации Юрий Александрович был арестован, якобы как шпион германской разведки, и вскоре расстрелян.

Легко сказать — арестован, расстрелян... А ведь это судьбы. Людские судьбы. Сколько их? И не счесть... Вениамин Аркадьевич Зильберминц — выдающийся минералог, геохимик, один из основоположников геохимии углей — по ложному доносу осужден и расстрелян, посмертно реабилитирован. Анатолий Александрович Кирсанов — научный сотрудник биохимической лаборатории АН СССР — расстрелян в возрасте 27 лет за «участие в контрреволюционной террористической организации», посмертно реабилитирован. Бруно Карлович Бруновский — радиохимик, кристаллограф, впервые в СССР проводивший расшифровку кристаллической структуры минералов с помощью рентгеновских лучей, — по ложному обвинению арестован, погиб в одном из колымских лагерей гугага, посмертно реабилитирован.

В тексте статьи, между тем, не было никакой

политики, и уж тем более напрочь отсутствовали крамольные идеи... И все же, из-за неблагонадежности ее автора и еще нескольких ученых-оппортунистов с их якобы сомнительными публикациями, весь тираж журнала был изъят суровыми, немногословными людьми в краповых петлицах с малиновым кантом и увезен в неизвестном направлении: может быть, уничтожен, а может и отправлен на вечное хранение в какие-нибудь секретные архивы. Не исключено, что найденные молодым аспирантом листочки в потрепанной тетрадке — это вообще все, что осталось от научного наследия Юрия Александровича.

На полях вырезки стояли карандашные пометки, сделанные рукой академика Ковтуна. То есть, это он потом стал академиком, а тогда, как и Паганель, был молодым исследователем, учеником профессора. По-видимому, ему как-то удалось спрятать и уберечь записи своего научного руководителя.

И это был весьма смелый поступок. Сейчас, когда времена изменились и повсюду гремит перестройка, началась эпоха гласности и профессор Великанов посмертно реабилитирован, как и множество других его коллег, трудно рассуждать об этом с полным осознанием всей степени того риска, которому подвергал себя молодой Виктор

Ефимович Ковтун, сохраняя рукописи учителя. Несомненно, это был подвиг.

Речь в статье шла об открытии нового минерала исанита, впервые обнаруженного и описанного в горах Колумбии в 1932 году. Великанов сообщал об удивительных свойствах этого минерала, называя найденные им кристаллы философским камнем современности, который перевернет все существующие представления о научно-техническом прогрессе и выведет народное хозяйство на невиданные доселе рубежи.

Гущин задумчиво потер лоб, стараясь напрячь свою память. Об исаните вообще было очень мало публикаций, словно кто-то всемогущий старательно закрывал эту тему от научно-исследовательского мира. Была, кажется, одна большая статья Виктора Ефимовича Ковтуна, опубликованная где-то в конце сороковых, сразу после войны, затем еще одна, уже в 1951 году в «Вестнике МГУ» и одна статья, написанная в шестидесятые годы профессором Макаарским, посвященная синтезу исанита. Ах, да, была еще одна заметка Льва Михайловича, но там исанит упоминался вскользь и то лишь в связи с характеристиками биогеоценозов. И все, вроде бы.

Сергей внимательнее присмотрелся к пометкам Виктора Ефимовича, почерк которого был ему хорошо знаком, поскольку в библиотеке

Макарского было много манускриптов и черновиков академика. Внимание ученого привлекла одна надпись, выделенная восклицательным знаком и дважды подчеркнутая жирной линией: «Срочно найти Хиппеля!»

И вдруг на молодого человека навалилась усталость. Он почувствовал, как отяжелели веки, зевнул и, пытаясь взбодриться, потер глаза, размазывая пальцами выступившие слезы. Какое-то время Сергей сопротивлялся неизбежному, но вскоре незаметно для себя уснул, рухнув головой прямо в кипу бумаг на столе.

Глава 2. Профессор Макаровский

Утро началось с того, что аспирант Гуцин сквозь сон услышал звон посуды и шипение электрического чайника, доносившиеся из той части кабинета, где располагался стеклянный вытяжной шкаф. Лаборантка Анечка, юная особа, не поступившая в этом году в университет и устроившаяся подрабатывать на кафедре, чтобы быть поближе к науке, организовала на его старинной кафельной поверхности незамысловатую кухню и часто готовила там чай. Соседство пробирок, колб с реактивами и бутербродов давно уже никого не смущало и служило поводом для забавных анекдотов, распространявшихся

студентами по всей кафедре и далеко за ее пределами. Мол, старик Макаровский, который действительно временами был немного рассеян, вместо сахара рафинада обычно кладет в чашку кубики галита, или что-то в этом роде. Доставалось и его верному Паганелю. Молодежь зубоскалила, но это никак не задевало ученых, занятых настоящим делом.

Сергей приподнял сонную голову, пытаясь осознать происходящее. К его щеке предательски приклеился помятый листок со схемами петрографических описаний шлифов. Юноша отлепил его и попытался немного разглядеть, виновато оглядевшись по сторонам.

— Доброе утро, Сергей Николаевич! — весело рассмеялась Анечка.

— Ага, — с глубоким вздохом промямлил в ответ молодой ученый, понемногу приходя в себя. — Лев Михайлович еще не появлялся?

— Шеф будет к десяти, так что у вас еще есть полчаса, — ответила лаборантка. — Чаю не хотите?

— Хочу, — согласился Сергей, — только схожу сначала... Ну, в общем, пройдуся.

Не желая поднимать лишнего шума, Гуцин неловко проскользнул мимо кабинета завкафедрой академика Вилена Андреевича Жарикова, нетвердой поступью вышел в коридор и, пройдя

кинопроекторную, откуда обычно крутили учебные фильмы для 611 аудитории, направился к туалету. Мимоходом он услышал смешливое перешептывание студенток-третьекурсниц, сидевших с конспектами за массивным овальным столом у окна:

— Смотрите, девчонки, Паганель опять ночевал на столе, — зачирикали веселые барышни, едва сдерживая хохот.

Ухмыльнувшись, он пропустил эту колкость мимо ушей и двинулся дальше. Сейчас его занимала только одна проблема: судьба Великанова и мифический исанит. Он представлял, как встретится сейчас с Львом Михайловичем и завалит его вопросами.

Пригоршня холодной воды из-под крана взбодрила Сергея и привела его в чувства. Перед мысленным взором аспиранта выстроился вектор научного наследия, своеобразная династия, в которой зерно истины передавалось от учителя к ученику, и каждый последующий старался вырастить и развить то, что получил от предшественника. Паганель понял, что полевой дневник Великанова, найденный сегодня ночью в архиве, был материальным выражением этого зерна, своеобразным символом и знаком. Выходит, ему как ученику профессора Макарского тем самым была передана эстафета, которую теперь надо

достойно пройти, невзирая на трудности и преграды, которые встретятся на этой стезе. Это были звенья одной цепи: так же, как некогда Макарский подхватил эстафетную палочку у выдающегося естествоиспытателя академика Ковтуна, а тот — у самого Юрия Александровича Великанова, Великанов же — у академика Вавилова и его соратника Александра Павловича Виноградова, основателя и первого руководителя кафедры геохимии, а те в свою очередь у великого гуру и гения естественных наук, энциклопедиста и философа Владимира Ивановича Вернадского. И каждый из них внес свой выдающийся вклад в это наследие. Теперь же настала очередь его, Сергея Николаевича Гущина, молодого ученого, стоящего в самом начале большого творческого пути. Какие открытия ждут его впереди?

Лев Михайлович Макарский не по-стариковски бодрой походкой вошел в свой кабинет, шумно распахнув дверь. Это был энергичный пожилой человек с густой седой шевелюрой, цепким взглядом из-под кустистых бровей и острым носом, украшенным модными очками в тонкой золотой оправе, отчего он казался немного похожим на птицу, что придавало его внешности ощущение стремительности, пытливости и даже некой въедливости. Одевался профессор всегда скромно, но очень изысканно и с

большим вкусом.

— Доброе раннее утречко, молодые люди! — пошутил он, обращаясь к Сергею и Анечке. — Как успехи?

Рассеянный, невыспавшийся Паганель к тому времени уже успел превратиться в сосредоточенного и собранного исследователя Гущина, ведь утро было не таким уж и ранним. Он оторвался от бумаг, встал навстречу учителю, держа в руках чашку чая, только что приготовленного лаборанткой, и жизнерадостно отрапортовал:

— Здравствуйте, Лев Михайлович! Я почти закончил с архивом.

— Замечательно! — коротко похвалил профессор и вдруг замолчал, сконцентрировавшись на каких-то своих мыслях. Ни комментариев, ни вопросов, ни пожеланий... Казалось, старые документы и пыльные рукописи, которыми аспирант занимался все последние три дня, больше не интересовали Макарского. Взгляд его, устремленный в пустоту, застыл, словно кто-то дернул рубильник и прекратил подачу живительной электроэнергии. Это показалось Сергею странным.

Аспирант глянул на застывший профиль римского патриция, исполненный мудрости, гордости и величайшего достоинства, немного смягченный классической профессорской бородкой

клинышком, и мечтательно подумал: «Удивительный человек! Эх, мне бы в его годы такую ясность ума и неутомимость».

— Лев Михайлович, у меня тут возникли вопросы. Разрешите? — Гуцин попытался прервать неловкую паузу.

Он взял в руки дневник Великанова и протянул его профессору.

— А-а, заметки Юрия Александровича... — старик снова включился, зачем-то снял очки и закусил дужку. — Вы нашли их...

— Да, вот в этом ящике, — уточнил аспирант.

— Удивительно, — задумчиво проговорил Макаровский, — а я ведь как раз об этом думал. Вот буквально только что. Вы верите в мистику, Сережа?

Гуцин пожал плечами и не ответил.

— Я верю, — вклинилась в разговор Анечка.

— Ну, вы-то понятно, — не отрывая взгляда от глаз Паганеля, улыбнулся профессор и махнул рукой. — Что скажете, мой юный друг?

— Про мистику, или про дневник? — Гуцин растерялся.

— В данном контексте это одно и то же, — загадочно произнес Макаровский. — Вчера на совещании в Академии принято очень важное решение. В ГЕОХИ создается новая лаборатория, которую мне предложили возглавить. Мы

открываем уникальную научную тему, и я хочу, чтобы вы к ней подключились. Вы готовы?

— С вами, как пионер, всегда готов! А что за тема?

— После, после поговорим... Мне сейчас надо утрясти кое-какие дела с Жариковым, потом я на пару дней уеду, — Макаровский закатил глаза, словно вычисляя что-то в уме. — А знаете что, приходите ко мне в гости, скажем, в субботу вечером. Там и поговорим. Посидим, обсудим все в домашней обстановке. И непременно вместе с барышней своей пожалуйста. Как ее, запомнил, Анастасия? Марианна Викторовна будет очень рада.

— Спасибо, Лев Михайлович, — смутился Сергей, — обязательно придем.

— Непременно, — чеканно подтвердил профессор, вынул из портфеля какие-то бумаги и направился к выходу, но задержавшись на секунду у дверей, поинтересовался. — А что вы там хотели у меня спросить?

— Да вот, про Великанова... — Паганель замялся.

— Вы вот что, Сережа, возьмите-ка эту тетраточку пока себе. Почитайте ее внимательно. Подумайте... Только, прошу, аккуратно. Музейный, можно сказать, экспонат.

Гущин кивнул, но профессор, уже не обращая на него никакого внимания, выскочил из кабинета.

Льву Михайловичу Макаарскому шел шестьдесят восьмой год. За плечами уже было много всякого: и взлеты, и неудачи. Будучи лучшим учеником академиков Виноградова и Ковтуна, Макаарский органично совмещал в себе глубину и цепкость истинного исследователя природы с талантом выдающегося организатора. Он видел научные проблемы насквозь и умел подмечать закономерности задолго до того, как они становились очевидны большинству ученых. Развивая идеи Вернадского и Виноградова о биогеоценозах, Макаарский предложил сконцентрировать усилия на изучении фонового состава микроэлементов в организмах и в дальнейшем именно его рассматривать в качестве индикатора, отражающего геохимическую обстановку и историю среды их обитания.

Для этого он обратился к изотопным исследованиям и спектральному анализу. Были проведены сотни опытов, в результате которых удалось собрать и систематизировать огромный фактический материал. И это было в духе времени. Ведь в начале пятидесятых годов весь естественнонаучный мир с энтузиазмом изучал природные явления, используя методы и достижения ядерной физики. Как и предсказывал Вернадский, наибольших успехов в современном мире достигали те ученые, которые работали на

стыках дисциплин: физики и химии, химии и геологии, геологии и биологии...

Подходя к проблеме микроэлементов в живых организмах комплексно, изучая связь царства живых форм с формами минеральными, Макаровский пришел к удивительным результатам, которые, как это ни парадоксально, подсказали ему, где и как надо искать решение задачи искусственного воздействия на ход радиоактивных процессов.

О, это была целая эпоха смелых предположений и фантастически эффективных решений! В то время, когда почти весь штат научно-исследовательского института академика Виноградова в кооперации с Курчатовскими физиками-ядерщиками вгрызлся в феномен радиоактивности, создавая технологию синтеза тяжелой воды и промышленного производства плутония, он шел параллельным курсом и под непосредственным руководством Виктора Ефимовича Ковтуна уже вполне серьезно подступался к проблемам управления ядерной реакцией путем катализаторов и ингибиторов из живой ткани организмов-мутантов. На молекулярном уровне ему даже удалось достичь некоторых положительных результатов, удививших военных специалистов и заинтересовавших высшее руководство страны.

Благословенные шестидесятые — счастливая

пора научных открытий и технических прорывов... Исследованиям Ковтуна-Макарского был дан зеленый свет: отведены площади, закуплено оборудование, выделено финансирование, которому завидовали даже в Министерстве обороны СССР.

Но шли годы, а серьезных успехов в области управления ядерной реакцией так и не было. Эйфория первых достижений прошла, сменившись горечью затянувшейся полосы научных неудач. К тому же, в 1973 году скончался идейный вдохновитель проекта Виктор Ефимович Ковтун, а спустя два года ушел и академик Виноградов — влиятельный покровитель и защитник его лаборатории перед лицом строгой, но справедливой КПСС и ее вездесущих опричников. Искрящееся великолепием колесо Фортуны поблекло и замедлилось.

Макарский, с трудом пережив фиаско, сконцентрировался на биогеохимии. Занимаясь корреляцией признаков животных и растений с минералогическим составом горных пород, находящихся в ареале их существования, он защитил докторскую диссертацию и вскоре получил звание профессора. Работал ученый как всегда вдохновенно, копал глубоко, но того огонька, того душевного подъема, с которым он трудился в лаборатории Ковтуна, уже не было.

И вдруг произошло событие, которого Лев

Михайлович ждал долгие годы, призраки феерических успехов молодости ожили. Казалось, судьба еще раз, как и много лет назад, повернулась к стареющему исследователю лицом. Сергей Гуцин, конечно же, не знал всех тонкостей той давней истории, но по настроению Макарского, его походке и непривычно звонкому голосу почувствовал, что учитель снова молод, полон сил и энтузиазма, былая жизнь пробуждается в нем и закипает, как прежде.

— Анечка, я, пожалуй, тоже поеду. Дома поработаю, пока Лев Михайлович не вернется, — сказал Паганель, укладывая дневник Великанова в модную сумку-колбасу из красноватой замши, которую он обычно носил через плечо.

Лаборантка еле заметно хмыкнула, дернув уголками губ. Ей нравилось находиться в обществе молодого ученого, но она прекрасно понимала, что ей ничего не светит, поскольку мыслями он всегда был где-то далеко-далеко... Оставалось только печалиться и томно вздыхать, покоряясь судьбе.

— Кстати, спасибо за чай, — спохватившись добавил Сергей и вышел вслед за профессором.

Не дождавшись лифта, он бегом спустился по боковой лестнице на первый этаж, стремительно промчался мимо книжных ларьков к выходу в клубной части Главного здания МГУ, где вертушки турникетов мерно сортировали порции

опаздывающих ко второй паре студентов. Выскочив на улицу, Паганель быстрым страусиным шагом понесся в сторону метро «Университет» к трамвайному кругу.

Ждать пришлось несколько минут. Прибыв на конечную, переполненный вагон 26 маршрута изверг из себя плотную, гудящую, как пчелиный рой, черно-коричневую толпу мрачных пассажиров, которых тут же одного за другим поглотила станция столичной подземки, и, жизнерадостно звеня, уже полупустой весело покатился назад в Черемушки, где в крошечной двухкомнатной квартирке, доставшейся Сергею в наследство от тетки по отцовской линии, ученый скромно жил вместе со своей подругой Асей. Молодому человеку нравилось двигаться в противоположке — так жизнь казалась более привлекательной и не такой запрограммированной.

Паганель сидел у окна, устало озирая деловую суету Ломоносовского проспекта, и нервно поглаживал ладонью шершавую поверхность сумки. Ему не терпелось принять душ и, завернувшись в теплый шерстяной плед, поскорее вернуться к записям Юрия Александровича, в которых он рассчитывал найти ответы на многие свои вопросы.

На повороте в сторону улицы Вавилова трамвай немного тряхнуло. «Вавилов, Вавилов,

Вавилов... — как заклинание повторял про себя Сергей, увидев в этом еще один знак, будто кто-то хотел достучаться до него из туманного прошлого. — Да, прав Лев Михайлович, это действительно смахивает на мистику».

Глава 3. Ася

14 сентября 1932 года

Повезло нам с погодой. Едва разбили лагерь, как зарядил дождь. Что-то рановато. Еще как минимум месяц должно быть сухо. Карлуш советует не обращать внимания: редкие дожди об эту пору случаются.

Хорошо хоть палатки успели поставить. Чтобы сварить несколько початков кукурузы пришлось разводить керогаз — хворост по всей округе основательно промок.

— Хорошие чуклу, сладкие, — кивнул головой проводник-индеец, ловко выуживая из кастрюли горячий ароматный початок, вымощенный плотными рядами мясистых зерен цвета янтаря. Будучи по отцу чистокровным уари, а по матери —

бразилейро, он одинаково хорошо изъяснялся и на языке кечуа, и по-португальски, и по-испански, нередко вставляя в свою речь различные экзотические слова и обороты — такой милый кечуано-испанский суржик. Ориентировался он и в диалектах банива, древнего аравакского языка, также широко распространенного на территориях Бразилии, Венесуэлы и Колумбии.

Николай Иванович улыбнулся. Мы все тут потихоньку становимся уари. Удивительный народ, эти уари, основательный! Удивительные традиции. Удивительный язык: красивый, загадочный и одновременно смешной, словно чихающий, как от хорошей понюшки табаку...

Кстати, некоторые слова из языка кечуа, на котором говорили и до сих пор продолжают говорить местные племена, окольными путями через Португалию и Испанию проникли и в русский язык. Конечно, таких слов немного. Естественно, ни один русский не поймет, что чуклу, к примеру, означает просто початок. Но вот слово пума, или кондор, или

лама для нас вполне знакомы и ясны. Или, скажем, пампа — травянистая безлесая равнина, степь, или даже поляна; отсюда также пампасы.

А своего верховного вождя, или царя, равно как и всю местную знать народ уари издревле величал «инка». Так что по всему выходит, известная всему миру цивилизация инков была всего-навсего правящей верхушкой эксплуататоров и мироедов, как выражаются теперь большевики, сиречь классовых врагов краснокожих индейских пролетариев.

— Хороший кусок мяса тоже не помешал бы, — вступил в разговор мой юный друг Густав Хиппель, лаборант, направленный в нашу экспедицию из университета Фридриха Вильгельма в Берлине.

Вообще-то его полное имя Густав Фридрих фон Хиппель, однако, будучи сторонником Эрнста Тельмана и явно симпатизируя идеям социализма, он, видимо, не хотел смущать нас, строителей коммунизма, своей аристократической фамильной приставкой «фон», и потому просил называть его просто по имени.

— Помилуйте, Густав, — ответил Николай Иванович, приподняв бровь, — мясо к ночи? Увольте.

— Маса Вавилу правильно говорит. Наши тоже не едят айча после заката солнца, — поддержал Карлуш, — трава (юра) берет силу солнца (инти) напрямую, корова же (вака) получает эту силу из травы, а горный лев (пума) — из коровы. Ночью темно, страшно, демоны (супаи) повсюду. Хочешь взять больше солнца в ночь, ешь траву! Так говорили старики.

— Вот-вот. Слушайте Карлуша, — подытожил Николай Иванович, потянувшись за очередным початком, — он плохого не посоветует.

Забавно, как быстро наш проводник освоился с советской терминологией. Обращение «товарищ» оказалось ему понятным и сразу пришлось по сердцу, тем более что именно так они и величают своих соплеменников, признавая тем самым и духовное родство членов общины, и сотрудничество — можно сказать коллеги. Все члены нашей экспедиции

искренне полюбили этого простого кхари из бразильской сельвы. Его бесхитрость и незатейливая прямота подкупала, и руководитель экспедиции Маси Вавилу — по-нашему товарищ Вавилов, — легко смирившись с таким проявлением доморощенного первобытного интернационализма, с доброй улыбкой всегда отзывался на новое экстравагантное прозвище. Это было вдвойне символично, поскольку, как я сам это не раз слышал, других белых людей, господ, так сказать, индейцы между собой часто зовут виракуча, признавая в них чужаков, а то и вовсе презренных врагов.

— Если хочешь мяса, завтра пойдем искать тарука, а сейчас ешь вареную сара, — мечтательно произнес Карлуш, и мне тут же живо припомнилась недавняя охота на некрупного, размером чуть больше овцы, местного оленя, которого мы успешно подстрелили на прошлой неделе.

Любопытно. Так вот почему мы не едим хищников! Какое неожиданно простое объяснение из уст малограмотного, но от природы

мудрого индейца. А ведь действительно, если призадуматься, то люди во все времена и на всех континентах предпочитали охотиться на травоядных животных. Забавно, однако. Конечно, это можно объяснить и относительной безопасностью предприятия, и технической простотой, и многочисленностью травоядных животных, и нежностью их мяса... И все же, тут есть над чем поразмыслить, ведь речь здесь идет ни много ни мало о преобразовании энергии! Те же метаморфозы солнечной энергии можно наблюдать и в горении древесины. Когда поджигают дрова (ламп'а), солнечный свет (к'анчай) и тепло (хамка), накопленные растением, высвобождаются, чтобы человек мог ими пользоваться. Интересно, а как преобразуется солнечная энергия в угле как окаменевшей древесине, или, скажем, нефти?

* * *

В коридоре заскрежетал замок, и дверь в квартиру отворилась.

— Серенький, ты дома? — из прихожей зазвенел нежный Асин голосок.

— Ась, ты? — Паганель отложил дневник на журнальный столик и настороженно приподнялся в кресле.

— А ты ждешь кого-то другого? — девушка рассмеялась в ответ.

Ася была худенькой барышней-тростинкой под стать Паганелю с прекрасной фигуркой, утонченными чертами лица и русыми волосами, затянутыми в тугий хвостик.

Сергей смутился и, промычав что-то невнятное, поднялся навстречу:

— Привет, дорогая. Ты как?

— Нормально, устала только немного. От мамы с папой горячий... — девушка сложила губки для воздушного поцелуя.

— Как там папа? — спросил молодой человек, крепко обвив возлюбленную своими длинными руками и чмокнув ее в нос.

— Лучше, — вздохнула Ася, вяло освобождаясь от неловких Серезиных объятий. — Но врач сказал, что операция все равно потребуется. Где денег взять? Ума не приложу. Мама рыдает по ночам. В общем, полный кранкенхаус.

— Милая моя, скоро у нас будет куча денег, — попытался обнадежить Паганель, — хватит и на жизнь, и на операцию.

— А на яхту хватит? — спросила Ася.

— Какую яхту? — удивился Сергей и криво улыбнулся.

— Ну, яхту, виллу, золото-брильянты...

— Не понял.

— Чего ты не понял? — девушке уже было не до смеха, и она раздраженно продолжила. — Ну что ты такое говоришь? Какие деньги? Откуда? Не те времена нынче. Угораздило же нас родиться в эпоху перемен...

— Времена всегда одинаковые, — неожиданно серьезно возразил Паганель, глядя любимой прямо в глаза, — и нет таких трудностей, которые мы бы не преодолели.

— Хватит изрекать банальности! У меня от этих штампов уже голова пухнет.

— Это не штампы, я на самом деле так думаю.

— Твоими бы устами... — Ася обмякла и присела на ящик для обуви, стоявший рядом с входной дверью.

На долю поколения, появившегося на свет в семидесятые, выпали особые испытания. Эти энергичные парни и девушки — комсомольцы последних лет застоя — были достаточно молоды и сильны, чтобы суметь под грохот крушения всей

социалистической системы не потеряться в пучине перестройки, но обнаружив в себе особые, доселе неведомые советскому человеку таланты, приспособиться к новым реалиям и семимильными шагами двинуться дальше к открывшимся горизонтам рыночных отношений развитого капитализма.

За плечами были и робкий путч ГКЧП, и обстрел танками Дома правительства, и приватизация народного хозяйства, и развал СССР. Рухнувшая экономика, судороги военно-промышленного комплекса и науки, бардак и неразбериха, очереди в магазинах и продовольственные талоны, массовое обнищание народа, который, не умея плавать, был выброшен из лодки в бурное море, кооперативы и бандитизм, новые русские, не знавшие, что делать с шальными деньгами, и первые иномарки на раздолбанных дорогах — принцы и нищие в одном флаконе.

А что впереди? Никто не ведал.

— Шеф сегодня предложил новую тему, — проговорил Паганель, нежно положив руку Асе на плечо, — очень перспективную.

— Какую тему? — девушка с надеждой подняла свои большие ясные глаза.

— Еще толком не знаю. В субботу мы приглашены к Льву Михайловичу в гости, там он все и расскажет.

— И с чего ты взял, что тема перспективная? — в голосе подруги прозвучала нотка недоверия.

— Ты бы видела его взгляд. Ася, милая, любимая... Теперь у нас все наладится! Я уверен, — Сергей снова обнял девушку и прижался губами к ее макушке, вдыхая свежий аромат волос, знакомый с детства.

Сергей хорошо помнил тот день, когда впервые увидел этого голубоглазого ангела с тоненькими косичками.

Он жил с папой и бабушкой в Текстильщиках. Мамы же своей пятилетний паренек никогда не знал, она умерла во время родов. Отец, простой рабочий с завода АЗЛК, клепавший стране автомобили «Москвич», внутренне обиделся на сына из-за смерти жены и жил отстраненно, угрюмо замкнувшись в себе. Он не обращал на сорванца никакого внимания, поэтому его воспитанием занималась бабушка. В субботний день, когда в соседний дом заехала молодая семья инженеров, мальчик, как обычно гулял со старушкой во дворе.

Пока взрослые разгружали трехтонку с мебелью и тюками, Сережа с интересом разглядывал маленькую девочку в легком цветастом платице, скромно топтавшуюся у подъезда. Ничего более прекрасного он в своей жизни еще не видел, словно это была диковинная

тропическая бабочка, которая случайно залетела к ним во двор, одарив всех своим лучезарным сиянием.

Едва переводя дыхание, он приблизился, боясь спугнуть чудесное виденье, и остановился не в силах вымолвить ни слова.

— Тебя как зовут? — запросто спросила девочка из миража.

— Серый, — тяжело сглотнув ответил мальчуган.

— А я Ася, но папа зовет меня Настенькой. И еще Настей и Настеной. Мы здесь жить будем.

— Настюха! — раздался громогласный клич из открытого окна третьего этажа. — Ну-ка бегом домой. Обживаться будем.

— Иду, па! — жизнерадостно вскричала Ася, помахав рукой, и вихрем помчалась к подъезду, но на мгновение остановилась и весело добавила. — Пока, Серенький! Еще увидимся.

Увиделись они уже в понедельник в детском саду, и с тех пор, казалось, больше не расставались.

Когда же началась школа, они поступили в один класс, вместе учились, вместе ходили на продленку. И только после уроков Ася бежала в музыкалку, а Сергей отправлялся в Дворец пионеров в кружок «Юный химик», а по вечерам стоял под окнами и с замиранием сердца слушал, как Ася разучивает гаммы и этюды Кабалевского.

Родители Аси были не в восторге от их дружбы, небезосновательно считая Сергея балбесом и неотесанным простаком из пролетарской семьи, особенно после того случая, когда он с соседскими пацанами попытался взорвать мусорный бак рядом с их домом. Но строгий разговор с дочерью состоялся лишь тогда, когда юный воздыхатель на Асин день рождения устроил под окнами фейерверк из сотни спичечных коробков, набитых марганцовкой и алюминиевым порошком от краски-серебрянки. Этими коробками Сергей выложил на земле надпись «Я тебя люблю», и когда они шипя загорелись, наполняя двор фонтанами искр и едким дымом, все не на шутку перепугались. Кто-то даже вызвал пожарных. Это был настоящий переполох. Мама тогда сильно разошлась, гневно поливая и Сергея, и его родителей, и праотцов, и праматерей. Папа тоже был суров, но в уголках его строгих глаз все-таки светился еле заметный радостный проблеск, будто отражение необычного признания молодого кавалера. Конечно, это было глупо, но, елки-палки, красиво и весьма убедительно! А Ася? Ася была в тихом восторге, но не от самого признания, а от того, как оно было сделано. Одному богу было известно, как она любила все яркое, праздничное и красочное. «И как это Серенький догадался?» — думала зачарованная подруга, и в ее огромных

восхищенных глазах отражались не то снопы искр, не то сказочные звездные россыпи, на мгновение осветившие мрак колдовского черного неба.

Для всего окружающего мира безалаберный старшеклассник был хулиганом и разгильдяем, и только Ася догадывалась, какие страсти кипят в его душе. Он ощущал себя исследователем, проникающим своей мыслью в тайны материи, первопроходцем и пионером-естествоиспытателем, идущим нетореной тропой вперед во имя науки и прогресса. Таким он и был: страстным и порывистым, остроумным и талантливым, но в то же время и удивительно ленивым, презиравшим рутину и каждодневный труд.

Дети росли, школа заканчивалась. Юноша превратился в долговязого неуклюжего кузнечика, а девушка расцвела, как благородная и утонченная чайная роза.

Ася настраивалась на продолжение музыкального образования, брала уроки, посещала подготовительное отделение в консерватории, а Сергей все валял дурака, так и не решив, что будет делать дальше, и только к середине десятого класса нечеловеческим волевым усилием взялся за ум и обложился учебниками.

Старания школяра на финальном рывке не пропали даром. Ко всеобщему удивлению он блестяще сдал вступительные экзамены в МГУ и

таки взял приступом храм науки на Ленинских горах, с первого раза поступив на геологический факультет. Почему на геологический? Точно никто не знал. Наверное, ради романтики полевых сезонов, песен у костра. Ну и во имя высшего образования, конечно, на котором настаивала его бабушка. Даже отец, никогда особо не вникавший в дела сына, с гордостью потрепал его по голове, когда Серенький появился в доме с синей корочкой свеженького студенческого билета с золотым тиснением.

— Геолог, значит, — проворчал он, не скрывая восторга.

— Геохимик, — уточнил Сергей.

— Химик — это хорошо, — согласился отец. — Нужная профессия.

Но больше всех радовалась за Сергея Ася, которая тоже могла похвастаться успехами. Она поступила в Гнесинку на отделение дирижирования академическим хором.

— Что ж не в консерваторию? — бестактно поинтересовался Сергей, опьяненный своим собственным триумфом. — Слабо?

— Видать, слабо, — тихо ответила девушка и заплакала.

Только сейчас Ася начала понимать, что детство закончилось и судьба, как железнодорожная стрелка властно развела их

составы по разным путям: ее в искусство, Серенького — в науку. А дальше — разные компании, разные увлечения, разная жизнь.

В Гнесинке жизнерадостную и весьма милостивую девушку сразу же окружили поклонники из числа студентов и аспирантов. Тонкие музыкальные натуры, всегда тянущиеся к гармонии, умеют видеть и почитать прекрасное! И тут им нет равных. Асю же, падкую на все яркое и красочное, восхищал искрометный фейерверк их неизменно изысканных ухаживаний, манил, вдохновлял и притягивал, как благоухающий тропический цветок привлекает бабочку, но никогда не склонял к серьезным отношениям — ведь бабочки не создают семьи с цветами... Особенно отличался на этом поприще один ее однокурсник Ленчик Козловский, он же Кузя, — способный паренек из скромной и очень-очень интеллигентной еврейской семьи. Под неодобрительное ворчание своей грузной маменьки, мол «за что ты связываешь себя с этой гойкой, не будет тебе от нее счастья», он подспудно готовился к серьезным отношениям и не мог принять той легкости, с которой Ася крутила им, как, впрочем, и всеми остальными особями мужского пола, и повелевала, не взирая на намеки о вечной преданности и любви.

Музыкальное училище, вобравшее в себя все

сливки талантливой молодежи, стало для многих этакой метафизической сводней, смело экспериментировавшей с человеческими судьбами на уровне физиологии. Как шутили опытные старшекурсники: передача так и называется — «Играй гормон». Да, это была такая игра: дочки-матери, второй уровень. И Ася беззаботно и весело отдавалась этой игре, никого не обнадеживая и ничего никому не обещая. В глубине же души она продолжала хранить какую-то целомудренную верность другу своего детства без всяких ярко выраженных планов на будущее. И это Кузю раззадоривало, но одновременно и задевало, сильно раня его самолюбие. Хотя, если уж быть честным до конца, то и сам он, не добившись от Аси взаимности с лету, не прекращал эротического мониторинга, продолжая выслеживать легких жертв среди остальных сокурсниц, из-за чего неизменно слыл в училище дамским угодником и ловеласом.

В общем, жизнь была насыщенной, веселой и интересной. Бурные студенческие годы пронеслись, как один день, наполненный феерическими событиями. Даже удивительно, как после всего этого они с Сереньким все-таки остались вместе...

Паганель, стоя в прихожей своей квартиры в Черемушках, обнимал Асю и думал о будущем. Нет, теперь он был готов поспорить с судьбой. Почему разная жизнь? Вот, например, Лев

Михайлович живет же пятьдесят лет со своей балериной, и ничего... Хорошо живет. И у нас так будет.

«О любовь моя! — думал молодой ученый. —
Никогда и ничто не разлучит нас».

Глава 4. Егор

Ася спешила на репетицию. Она пела в небольшом ансамбле, которым руководил Ленчик Козловский. Окончив училище, молодой человек — неплохой, надо сказать, скрипач — не рванул в Израиль или США, как это сделали многие его соплеменники, но закрутился в бешеном ритме перемен, обрушившихся на страну. Казалось, плыть против течения, гребя из последних сил, доставляло ему даже какое-то особенное удовольствие. А может быть, он просто тихо ждал Асю, когда та наиграется со своим Паганелем и бросится, наконец, в его объятия, и не хотел надолго упускать ее из вида. Трудно сказать...

Их группа выступала в ресторанах и, в общем-то, по нынешним непростым временам неплохо зарабатывала. Репертуар, конечно, оставлял желать лучшего, но выбирать не приходилось, тем более что Кузя оказался не только хорошим музыкантом, но и толковым аранжировщиком, и посему шлягеры, которые так

нравились подвыпившей публике, звучали интересно, а местами даже неожиданно и весьма оригинально. В этом был хоть какой-то элемент творчества.

Успешно окончив музыкальное училище при Гнесинке, а затем и сам музыкально-педагогический институт, Ася потерялась в кипучем водовороте перестройки. Жизнь вокруг стремительно менялась, и простой девочке из народа было трудно без нужных связей найти себе место под солнцем. Со сладкими мечтами о дирижировании академическим хором пришлось распрощаться. Даже обычным учителем музыки она не могла устроиться. Серенький же, не взирая на нищенское положение, упорствовал в науке и думать не хотел о том, чтобы сменить профессию, сделать карьеру в какой-нибудь более прибыльной области или, в конце концов, заняться бизнесом. Приходилось самой как-то крутиться.

Незадачливая вокалистка ехала в метро, прижимая к груди папку с нотами, и вспоминала свое детство. Когда она мысленно обращалась к тем временам, ей становилось тепло и радостно, словно она с головой укрывалась одеялом, как некогда в темной спальне, когда прячась от пугающей действительности, шептала: «Чурики, я в домике!» — и этого было достаточно, чтобы страхи исчезли сами собой.

Перед ней начинали всплывать светлые образы недавних лет, причем все сразу, как на одном большом полотне. И Ася разглядывала эту таинственную картину, мазок за мазком, будто выхватывая какие-то случайные моменты из середины истории, и незначительные мелочи вдруг начинали припоминяться во всех подробностях.

На мгновение девушка очнулась и непроизвольно прислушалась к стуку колес. Она поймала себя на мысли, что в последнее время все чаще и чаще обращается к прошлому, и ужаснулась: не значит ли это, что у нее нет будущего? Но это тревожное состояние длилось не больше секунды. «Ну и бог с ним. Пусть будет, что будет», — подумала молодая ресторанная певица и снова погрузилась в сладостные грезы.

Асина мама всегда была против ее дружбы с Сергеем. Ей, конечно, хотелось, чтобы дочь дружила только с хорошими детьми. Когда она говорила «с хорошими», Ася почему-то сразу же начинала представлять себе этих хороших детей, как они в одинаковых сандаликах, одетые в белые платица и рубашечки, аккуратные короткие штанишки на ляпочках, белые носочки и белые панамки, взявшись за руки, ходят парами по чисто выметенным дорожкам большого хорошего сада между клумбами и фонтанами, разговаривают о чем-нибудь очень хорошим, читают стихи, поют

песни или играют в хорошие спокойные игры.

Серенький не был хорошим мальчиком, но с ним было интересно. Они постоянно были чем-то заняты: исследовали подвалы и чердаки близлежащих домов, залезали на деревья, строили шалаши, стреляли из рогатки. Конечно, Ася дружила и с другими детьми. Компания у них была довольно большая, но «тот мальчик из соседнего дома», как его называла мама, стараясь не упоминать имени, всегда был главным заводилой.

В школе Ася была отличницей, усердной и прилежной ученицей, ее портрет даже висел на школьной доске почета — этакая красивая и во всех отношениях правильная пионерка с решительным взглядом, устремленным вдаль, и по-взрослому уважительной подписью: Анастасия Мельникова. А вот Серега Гушин не висел на доске почета. Он был потрясающим ротозеем и вечно перебивался с двойки на тройку, но вовсе не потому, что был глупым. Просто ему было не до учебы: слишком насыщенно и интересно складывалась его внешкольная жизнь. И всякий раз, когда учителя начинали донимать Сергея своими нотациями, он на какое-то время сосредотачивался на учебе, с легкостью догонял класс, получал кучу хороших отметок, а потом снова сползал на привычные двойки-тройки. И так почти все 10 лет. Лишь в самом конце школы Серенький образумился, взялся

за учебу и поступил в МГУ.

Как только Серега стал студентом университета, его рейтинг резко вырос, и Асина мама перестала ворчать по поводу дружбы дочери «со всякими там моральными уродами». Она даже обрадовалась, когда узнала, что ее девочка приглашена к Сергею на день рождения — все-таки совершеннолетие, как ни крути. Да и Ася тоже была рада снова увидеть друга детства. Ведь они теперь редко встречались, новая студенческая жизнь полностью захватила каждого из них, а прежняя школьно-дворовая компания к тому времени уже рассыпалась.

Сереежкин праздник положил начало новому этапу в их отношениях. Девушка вдруг поняла, что мальчик повзрослел и стал весьма привлекательным молодым человеком, хотя и не перестал быть при этом разгильдяем. К тому же, оказалось, что для Серенького она была не только подругой веселых детских игр. В самый разгар торжества он затащил свою юную пассию на кухню и признался, что влюблен в нее по уши, причем давно и безнадежно. Конечно, Ася не могла не догадываться об этом, особенно после того романтического поздравления, когда Серенький чуть не взорвал весь двор, но о серьезных отношениях девушка никогда не задумывалась. Они так долго были друзьями, так много знали друг о друге, что даже мимолетная

мысль о возможной близости пугала, будто речь шла об инцесте.

В тот же вечер Ася познакомилась с Егором Жаровым, однокурсником Серенького, с которым тот на удивление легко и быстро сдружился. Новый приятель оказался на целых три года старше. За его плечами уже была служба в армии и год рабфака — так студенты по старинке называли подготовительное отделение, — и потому Егор выглядел намного взрослее и солиднее всех ребят в тусовке. Или он просто умел так держаться, приковывая к себе внимание девушек.

В общем, праздник должен быть праздником: бесшабашным, ярким, радостным, запоминающимся! Асина голова кружилась от выпитого шампанского, щеки горели, глаза сверкали. Она дурачилась вместе со всеми, играла Мурку на старинном расстроенном пианино, которое купил еще Сережкин прадедушка, танцевала канкан на столе среди бокалов и тарелок, и при этом все время смотрела на Егора. А Егор смотрел на нее. А Серенький смотрел, как они с Егором смотрят друг на друга.

Кульминацией этого феерического разгула стала игра в бутылочку при свечах. И тут у Аси случилось окончательное раздвоение личности.

Серегу был ей почти братом. В тот вечер жребий заставил их впервые поцеловаться, и тут

девушка вдруг почувствовала насколько он родной, что ли. Даже странно, что это не произошло раньше. Что-то очень простое, привычное, родственное было в их поцелуе. И зачем она так долго мучила себя вымыслами и предрассудками?

А Егор? Красавец, спортсмен, киношный супергерой из боевика с элементами эротики. Не случайно, ох, не случайно друзья величали своего обаятельного товарища Жаром — я пришел за тобой, детка! И когда коварная бутылочка указала на него, Ася начисто потеряла голову. Не думая ни о чем, девушка утонула в его объятиях, ощутив надежную мужскую силу. Они были знакомы всего пару часов, но внезапно нахлынувшая волна взаимных чувств уже накрыла их с головой и с каждой секундой уволакивала все глубже и глубже... ну, в общем, туда, в пучину страсти, поглотившую их обоих.

Жар нежно и горячо целовал Асю, и девушка чувствовала, будто изменяет Серенькому, хоть и не давала юноше никаких обещаний в ответ на его признание в любви. Она понимала, что предает друга детства, осознавала все это и в то же время не могла оторваться от Егора, и лишь страстно желала, чтобы все эти гости исчезли куда-нибудь, и остались только он и она...

Наутро у Аси дико болела голова, и вообще ей было очень плохо. Страдалица попыталась

подняться с кровати и не смогла. Войдя в комнату, мама печальным голосом, в котором слышалась и укоризна, и бессилие что-либо изменить, поведала ей, что глубоко за полночь ее, совершенно пьяную, едва держащуюся на ногах, под руки привели домой Сережа и еще какой-то молодой человек. «Его-о-р!» — простонала непутевая дочь и рухнула лицом в подушку.

Физическое состояние Аси великолепно гармонировало с душевным: крушение всего сущего, разгром всех устоев и надежд, развалины, бездна... Скорбную картину довершали мамины вздохи и пропущенные занятия в училище. Немного оклемавшись, девушка взглянула на себя в зеркало и поняла, что в чем-то становится похожей на Сергея. Припомнив из вчерашнего вечера, то небольшое, что удалось выудить из подсознания, она ужаснулась своей неожиданной распущенности, хмыкнула и вернулась в кровать — досыпать.

После той ночи от полного сумасшествия Асю спасла лишь необходимость много и упорно заниматься учебой, ведь экзаменам и зачетам не было дела до сердечных мук студентки. Поначалу она безумно хотела увидеть Егора, но как его было найти?... Разве что через Серенького, встречаться с которым девушка теперь боялась, а сам Егор так и не позвонил. И она мучилась, мучилась, а потом вся эта история, не найдя никакого приемлемого

разрешения, стала потихонечку забываться и, наконец, забылась совсем.

А тут еще и Кузя прилип со своими чувствами, как банный лист, и всякий раз делал намеки, которые Ася просто на дух не переносила, особенно после их якобы случайной встречи с его «мамэ» Беллой Эммануиловной и того строгого экзамена по нравственности, который угасающая еврейская блюстительница устроила девушке. Нет, это была просто песня, где Ленчик фальцетом выводил: «Мамэ, мамэ, что вы такое говорите?!», а тетя Белла, картинно хватаясь за сердце, контрапунктом басовито подзуживала: «Вам, милая, еще многому предстоит поучиться, и за что нам такое счастье?» А затем, обращаясь уже как бы к сыну беспардонно добавила: «И вот что ты в ней нашел? У тебя блестящее будущее — концерты, гастролы, заграничные турне... А она? Ни кожи, ни рожи. Тощая, как селедка, даже ухватиться не за что. Разве она станет готовить тебе форшмак? Как же! Сама, поди, за славой бегать будет, а на тебя плевать слюной. Нет, сыночка, ты-таки сведешь маму в могилу».

Короче, Жар исчез, на Кузе был поставлен жирный и окончательный крест, а Серенького она сама боялась потревожить — вот такая получалась сюита из трех частей с огромной и непредсказуемой паузой на тридцать два такта, словно в партитуре

для контрабаса.

В следующий раз Ася увиделась с Сергеем лишь незадолго до новогодних праздников. Они случайно столкнулись во дворе, одновременно собравшись за подарками для родственников. И оказалась эта встреча такой искренней и сердечной, что они, как ни в чем не бывало, вместе отправились шататься по магазинам, и как-то все само собой наладилось, стало на свои — пусть новые и непривычные, — но все же места.

Вечером замерзшие и уставшие они заскочили к Асе домой попить чаю. Мама потчевала молодых людей пирогами собственного приготовления, а папа живо интересовался Сережиной учебой, спрашивал о перспективах работы и научной карьеры. Серенький отвечал на все вопросы обстоятельно, в меру шутил, блистал эрудицией. На сей раз, он произвел на родителей очень хорошее впечатление. И вообще получились такие замечательные теплые семейные посиделки накануне Нового года.

С этого времени негласно подразумевалось, что они с Сергеем пара. Родители неизменно интересовались, как там Сережа, передавали ему приветы. Сережина бабушка в свою очередь тоже была очень рада, что у внука есть подруга. Да и нелюдимый отец, которого Ася почти не знала, в принципе неплохо к ней относился. В конце

концов, у молодых людей сложилось ощущение, будто две семьи, как во времена мрачного средневековья, договорились породниться, не спросив согласия своих детей. Однако эта ситуация нисколько не напрягала Асю, ведь ничего особого в их отношениях с Сереньким не поменялось, просто видеться стали немного чаще.

В конце учебного года перед отъездом на практику Сережа пригласил Асю в главное здание МГУ — его там еще принято называть «ГЗ» — и девушка с радостью согласилась. Это было настоящее событие! Несмотря на их с Сережкой то ли дружбу, то ли любовь, Асино сердце снова замерло: а вдруг она встретит там Жарика... Вот так она подумала, встрепенувшись, и тут же устыдилась своих проснувшихся желаний, в общем — классическая модуляция и ми-бемоль минор, полный ми-бемоль минор.

Паганель, как звали Сергея однокурсники за его постоянную рассеянность, был счастлив и совершенно не замечал Асиных душевных терзаний. Он хлопотливо трещал без умолку и взволнованно суетился, стараясь показать своей возлюбленной все самое интересное, причем, одним махом.

ГЗ очень впечатлило юную служительницу муз. Серенький провел подругу по аудиториям, затем они заскочили на кафедру, потом поднялись

на самую верхотуру к университетскому шпилю, где на нескольких последних этажах располагаются залы музея истории Земли и вообще открыл девушке целый мир, новый и неведомый, полный всяких любопытных штуквин. Больше всего Асе понравилось смотреть в какой-то особый микроскоп на тонкие, почти прозрачные срезы разных камней. Под этим микроскопом в специальных лучах невзрачные породы казались удивительно красивыми и многоцветными, как радуга. Каменное шоу происходило на кафедре петрографии, которую однокурсники ласково величали петрушкой.

Тогда же Ася впервые услышала от Серенького о его шефе профессоре Макарске. Он только об этом профессоре и говорил: и в лаборатории, пока восторженная девушка любовалась в микроскоп цветными камушками, и в огромной столовой в зоне «В», куда они заглянули пообедать, и потом, гуляя по Ленинским горам. Из всей той абракадабры, которую Сережа пытался донести до нее, она, естественно, мало что поняла, но одно уяснила твердо — профессор Макарский настоящий гений и поистине светило современной геологии.

Учиться студенту Гущину нравилось, но как и в школе, он уделял внимание лишь тому, что было интересно. И раз уж так вышло, что в учебном

плане оказались не только увлекательные предметы, но и куча разных других важных дисциплин, на которые Сергей выделял свое драгоценное время строго по остаточному принципу, дошло до того, что весеннюю сессию он чуть не завалил. Макаарскому даже пришлось дать своему протеже «волшебного пендаля» и договориться с коллегами-профессорами о пересдаче. И Паганель приналег, снова доказав всему миру, что вовсе он не дурак, а всего лишь олух царя небесного, и что учиться он может, если захочет, особенно, когда ситуация прижмет.

Про Егора за все это время не было сказано ни слова, как будто и не был он Сережкиным другом. Молодые люди гуляли до самой ночи, а потом Серенький неуклюже пригласил Асю к себе домой. А она все поняла, и отказалась. А он обиделся. А она нашла кучу оправданий, и в качестве утешения пообещала прийти завтра провожать его на практику. Ну никак, ну совершенно никак не тянуло ее вступать в интимные отношения со своим другом, почти братом.

И она пришла. В пестрой и шумной толпе студентов с рюкзаками, молотками и гитарами, Ася чувствовала себя белой вороной. Ее цивильные балетки, маленькая сумочка на длинном ремне и модная мини-юбка совершенно не вписывались в общий походный стиль. Она стояла рядом с другом,

изображая прощание славянки, и вдруг увидела знакомое лицо. Это была Юля, миленькая однокурсница Паганеля, с которой они познакомилась у Сережи на дне рождения. Поздоровавшись, Ася как бы между делом спросила у девушки про Егора, где он, почему его не видно. Юля же, стараясь перекричать возбужденный гомон своих товарищей, громко ответила, что Жарик, мол, бросил учебу еще до зимней сессии и где он сейчас, никто не знает. Получилось неловко, и Ася от стыда зарделась, боясь, что своим любопытством привлекла излишнее внимание. Но в этот момент беспечный Серенький окликнул ее, и разговор с Юлей благополучно прервался.

Проводив Паганеля, девушка еще долго не могла успокоиться. Новость о том, что Егор исчез из ее жизни, возможно даже навсегда, опечалила — все-таки крепко он ее тогда зацепил. Конечно, Ася могла приложить усилия и найти парня, выяснить, где он, что с ним. Но останавливала одна очень простая причина. «Если Егор почувствовал ко мне то же, что и я к нему, — думала девушка, — почему не нашел способа связаться со мной, почему исчез так внезапно?... Может, я совсем не нужна ему? Нет, я буду полной идиоткой, если кинусь искать его, чтобы в результате узнать, что этот красавец и думать обо мне забыл».

Все. Точка. Супермен из эротического боевика был решительно вычеркнут из памяти раз и навсегда.

А потом навалилась летняя сессия и на короткое время овладела всеми мыслями юного дирижера. Сдав экзамены, Ася сначала уехала с родителями в дом отдыха на пару недель. Потом немного поработала в детском лагере руководителем хора. Затем знакомые ребята позвали ее в свою рок-группу подыграть на клавишах, где она умудрилась исполнить несколько песен соло и даже взялась поднатаскать их бэк-вокалистов по части сольфеджио. А в самом конце августа девушка успела съездить на хоровой фестиваль неподалеку от Москвы. В общем, лето получилось очень насыщенным, полным событий и новых встреч. Казалось, не пара месяцев прошла, а гораздо больше.

Осенью, завершив свою практику, наконец-то в город вернулся Серенький. После долгой разлуки он показался Асе необыкновенно возмужавшим и даже каким-то немножечко чужим и нездешним. Он так удивительно интересно рассказывал о тех местах, в которых побывал, о природе и людях, обо всяких забавных случаях, произошедших с ним и его товарищами, что девушка, раскрыв от удивления рот, могла слушать часами.

А через несколько дней внезапно умерла

Сережкина бабушка. Вроде и не очень старой она была, и не так, чтобы сильно болела. Просто раз — и нет человека. Сердце.

Ася с родителями пришла на похороны. Они долго сидели вместе с Сереньким и его отцом на поминках в их квартире, а потом мыли на кухне посуду и наводили порядок почти на правах родственников, потому что Сережкин отец, несмотря ни на что, вынужден был в тот же вечер срочно куда-то уехать. А может он просто сбежал, потому что не хотел оставаться в доме, где только что не стало его матери. Трудно было понять этого замкнутого и вечно хмурого молчуна.

Сергей после этой потери, кажется, за пару дней еще больше повзрослел, стал серьезным и сосредоточенным, почти как его отец. Он очень любил свою бабушку, очень-очень. Как маму.

И Ася хорошо понимала его, и жалела, и не ушла домой вместе с родителями, а осталась с другом детства. Не могла она бросить его в тот вечер одного. И на следующий день после учебы она пошла не домой, а к Серенькому. Да и на следующий день тоже. И как-то все само собой получилось и срослось — молодые люди стали жить вместе. Вскоре, чтобы не докучать отцу, Паганель вместе с Асей перебрались в Черемушки, где уже несколько лет пустовала кооперативная квартира тети Тони, папиной сестры, которая

промаявшись весь век одна, тихо отошла в мир иной, не оставив после себя прямых наследников.

Прошла зима. Постепенно Серенький справился с болью утраты, окончательно пришел в себя, опять начал улыбаться и шутить. Верным признаком того, что он стал прежним беспечным разгильдяем, послужил очередной завал сессии. И история снова повторилась: профессор Макаровский вступился за любимчика, тот вытянул все на «уд» и даже «хор», Ася вздохнула с облегчением, а непоседа Паганель радостно помахал ей ручкой и укатил на все лето в поля...

В общем, так они и жили. Ася училась, работала, училась, работала, занималась репетиторством, руководила маленьким хором в детском клубе. А Серенького шатало из стороны в сторону. Он углублялся то в одну тему, то в другую, запускал учебу, потом срочно нагонял программу, и все это с горящими глазами, взъерошенными волосами и постоянными рассказами о Макаровском.

После года жизни с Паганелем девушка насквозь пропиталась геологической терминологией и даже стала слегка разбираться в том, чем занимается ее друг. Одним словом, у огурца, который попал в рассол, нет никаких шансов остаться непросоленным. Ася часто общалась с Сережинскими однокурсниками, и с той

самой Юлей они подружились, а когда собиралась компания, она пела с ними их любимые «полевые» песни и с неизменным интересом слушала рассказы о работе в экспедициях.

В общем, жизнь как-то наладилась. Егор же за все это время так ни разу и не проявился, и Ася, в конце концов, действительно забыла о нем.

Глава 5. Размышления Сергея

18 сентября 1932 года

Дожди сильно задержали рекогносцировку. Несколько дней нам пришлось провести на берегу неспешной Исаны, и лишь сегодня мы смогли покинуть ее широкие меандры и по руслу небольшого притока углубиться на двадцать километров в лес к северо-западу от вайк'у (долины реки) в сторону гор Тухани. Здесь — километрах в шестидесяти — проходит водораздел. К югу все потоки устремляются в Амазонку, к северу — в Ориноко, несущую свои воды уже по землям Венесуэлы и впадающую в Атлантику к востоку от цепи островов Карибского бассейна. Исток Исаны находится

где-то километрах в семидесяти-восемидесяти западнее, а за перевалом нас ждет река Инирида с ее многочисленными порогами и живописными водопадами.

В этой холмистой местности, густо поросшей сельвой, прорезанной утёсами скальных утесов массива Гуанес, одного из самых древних геологических образований планеты, Николай Иванович хочет отыскать островки горной пампы, где по его расчетам должны произрастать дикие злаки, с помощью которых селекционеры-генетики из ВАСХНИЛ смогли бы вывести новые высокоурожайные сорта пшеницы и ржи.

Научный гений академика Вавилова способен прозревать столетия! Ведь его догадки относительно новых разновидностей дикого и культурного картофеля инков уже оправдались. А изучение различных видов и сортов растений, которые мы усердно собираем в ходе нашей экспедиции, позволит установить очаги возникновения новых дикорастущих форм и центры происхождения

сельскохозяйственных культур, известных аборигенам с глубочайшей древности. Открытие закономерностей географического распределения видового и сортового состава в первичных очагах и последующего расселения растений из этих очагов вообще трудно переоценить. Я уверен, это послужит хорошей основой для практической селекции и экспериментальной ботаники.

У меня же, помимо указаний начальника нашей экспедиции, есть и отдельное персональное задание — описать здешние биогеоценозы и их геоморфологические признаки, а также собрать образцы для дальнейших исследований в лабораториях академика Ферсмана и профессора Виноградова, моего друга, наставника и научного руководителя.

Будучи учеником самого Вернадского, Александр Павлович рьяно отстаивает и продвигает в научных кругах идеи биогеохимии, дисциплины, рождающейся на стыке биологии, геологии и химии. Его предположение о том, что растения чутко реагируя на элементы,

входящие в минеральный состав пород, поверх которых они произрастают, а также воды и даже воздуха окружающей среды, могут служить индикаторами месторождений полезных ископаемых, нуждается в серьезном опытным подтверждении. Поэтому он и направил меня в экспедицию Николая Ивановича Вавилова в качестве его научного ассистента.

Еще Михайло Васильевич Ломоносов в своем гениальном труде «О слоях земных», предвосхитившем многие более поздние открытия, отмечал: «На горах, в коих руды или другие минералы рождаются, растущие деревья бывают обыкновенно нездоровы, то есть листья их бледны, а сами они низки, кривлеваты, суковаты, и гнилы прежде совершенной старости своей. Травка, над рудными жилами растущая, бывает обыкновенно мельче и бледней». Да и древние рудознательцы всегда пользовались в своем деле подсказками природы, поскольку, как любит повторять профессор Виноградов: «Дыхание любой подземной кладовой — нефти, газа

или руды — ощущается на поверхности». Теперь же силой передовой советской науки необходимо превратить эти обрывочные сведения, этот набор разрозненных кустарных знаний в мощный инструмент — объективный метод, при помощи которого можно будет уверенно вести поиск и разведку полезных ископаемых.

На ночлег мы расположились у скалы, густо опутанной лианами. Наш ручей резво огибал ее, весело журча на камнях, а справа располагалось плоское, как плуг, зеркало материнской породы, уходящее в землю под небольшим углом, образуя маленькую полянку, вполне пригодную для установки палаток. Отсюда уже видны дальние горные массивы, в основании сложенные архейскими гранито-гнейсами. Их широкие плато, беспорядочно испещренные более поздними протерозойскими интрузиями, возвышаются метров на пятьсот над зеленым морем тропических лесов. Туда нам и предстоит направиться. Но сначала мы должны найти подходящее место

для большой стоянки всей нашей экспедиции.

Эх, скорее бы! Что-то я соскучился по горячим картофельным лепешкам с грибной подливой на сметане, которые мастерски готовит молодая и веселая повариха Нина, родом из Ленинграда.

Да и Карлуш, как я заметил, стал все чаще и чаще вздыхать по ночам. Пришлась ему наша Ниночка по сердцу. Огненная девушка. Так он окрестил ее, потому что «нина» на его родном языке означает огонь.

* * *

Завершение беззаботной студенческой поры для Паганеля совпало с печальным концом Советского Союза. А начало его научной деятельности в университете, аспирантура и работа на кафедре соответственно, как говорят ученые, коррелировались со временем установления в стране новых рыночных отношений, частной собственности и построения капитализма. И это было глубоко символично.

После развала СССР в геологии, как и во многих других областях, все складывалось

непросто. Заработать чистой наукой было практически невозможно, финансирование фундаментальных исследований резко сократилось, приходилось искать что-то более тесно связанное с насущными нуждами. Многие однокурсники Сергея переквалифицировались, ушли в другие профессии. А те, кто остался в геологии, часто подрабатывали, например, на разных стройках, потому что прежде чем строить, надо же хотя бы приблизительно знать, что там внизу, под поверхностью земли: какова гидрогеологическая обстановка, нет ли опасных разломов, какие породы, и выдержат ли эти породы многоэтажный дом или какую-нибудь другую конструкцию.

Жизнь поставила Паганеля перед непростым выбором. Извечное «интересно», которое всегда было для него главным приоритетом, вступило в противоречие с «надо», и молодой ученый, естественно, отдал предпочтение тому, что было «интересно».

Вот тут-то все и началось. Поступив в аспирантуру, Сергей вдруг понял, что «интересно» поманило его и обмануло. Ведь наукой-то он толком так и не смог заняться. Вот в чем парадокс! Не было, понимаете ли, подходящих тем для диссертации. Все какая-то ерунда — мелкая и бессмысленная. Никаких прорывов, никаких горизонтов... Было бы ради чего терпеть лишения.

Два года топтания на месте... И тут вдруг такой Клондайк! Ай да Макаровский!

Проводив Асю на работу, Сергей долго не мог успокоиться. Его будоражили мысли о предстоящем проекте. В том, что это как-то связано с результатами исследовательской деятельности профессора Великанова, Паганель нисколько не сомневался. Но как? Ведь от наследия Юрия Александровича ничего не осталось, кроме этого старого дневника и потертой статьи из научного альманаха. Да, система хорошо постаралась, ничего не скажешь. Будто волшебным ластиком она прошла по судьбе профессора, вымарывая всю жизнь и работу ученого. Вот уже и следов не сыщешь: был человек, и нет его...

Или все-таки что-то осталось? Скорей бы дождаться субботы, когда Лев Михайлович все прояснит. Уж он-то наверняка точно знает, как там оно на самом деле. Ведь не мог же академик Виноградов, отправивший Великанова в экспедицию, так просто забыть своего друга и ученика. Да и Виктор Ефимович Ковтун, мир его праху, должен был хоть как-то попытаться завершить исследования, начатые учителем. Иначе все это выглядело просто глупо и нелогично, если не сказать бесчеловечно.

Попробуем восстановить события. 1932 год — экспедиция Вавилова в Южную Америку.

Результаты этих комплексных агрономических исследований хорошо известны и доступны. В любой научной библиотеке можно запросто с ними ознакомиться.

И вот экспедиция возвращается в Москву. Великанов начинает лабораторные работы с привезенными им материалами. Ковтун ему помогает. Исследования ведутся несколько лет, как минимум семь — вплоть до момента ареста Юрия Александровича и его трагической гибели. Где эти семь лет? Почему они нигде и никак не отражены? Что там на самом деле происходило?

Рискуя жизнью, Виктор Ефимович спасает дневник и статью. Делает на полях пометки. Стоп! Ну, конечно... «Срочно найти Хиппеля!» И как это Сергей мог забыть про ремарку Ковтуна? Интересно, где он этот Густав Фридрих фон Хиппель, молодой лаборант из Берлина? Жив ли еще? Ведь столько лет прошло, столько событий...

Может быть, именно он даст ключ к разгадке этого секрета? Узнать бы, нашел его академик, или нет. И не из-за этого ли Хиппеля, Юрий Александрович Великанов был обвинен в шпионаже в пользу Германии? Ведь Гитлер к тому времени уже пришел к власти, и Эрнст Тельман — депутат рейхстага и руководитель организации «Рот Фронт» — был по приказу фюрера арестован и брошен в одиночную камеру. Тогда многие

немецкие коммунисты и сочувствующие, спасаясь от гонений и репрессий, бежали из страны или же переметнулись в лагерь национал-социалистов.

Сколько же лет ему было в те годы? Ну, предположим, 20–25, значит сейчас — около 90. Ах, чем черт ни шутит — немцы, они ведь долгожители. А ну как действительно живехонек-здоровехонек сидит себе где-нибудь в фамильном замке у камина да мемуары строчит, если, конечно, пережил войну.

Все опять упиралось в профессора Макарского как единственного возможного наследника тайны Великанова. Не может быть, чтобы Виктор Ефимович не посвятил своего ученика во все эти хитросплетения.

Сергей сильно разволновался. Он несколько раз прошелся взад и вперед по комнате, задумчиво постоял у окна, машинально поливая любимые Асины фиалки, густо усеявшие весь подоконник, потом как робот поплелся на кухню ставить чайник. «Да, в этом надо будет основательно разобраться, — думал Паганель, слушая, как закипает вода. — Понять бы, что там на самом деле открыл в Колумбии профессор Великанов, с какой загадкой природы столкнулся».

Молодой исследователь и не заметил, как с головой окунулся в пучину мечтаний. Ему представлялись блестящие научные перспективы.

Время сейчас другое: нет ни политических репрессий, ни довлеющей идеологии, ни партийной опеки, ни цензуры. Делай, что хочешь. Свобода! Нужно только выбрать правильное направление и нанести точный удар, и тогда волшебный Сим-сим откроется, впуская ученого внутрь горы, наполненной сказочными сокровищами.

От предчувствия близкой удачи Сергей даже вспотел. Он глубоко вздохнул, вытер ладонью испарину, проступившую на лбу, и неловким движением расстегнул воротник рубашки. Теперь главное не увлечься сверх меры и сохранить ясный рассудок, чтобы не забыть, где находится выход из заветного грота Али-Бабы. Четкий план действий, методика, фактические материалы. Это пока все, что ему нужно.

В коридоре надрывисто затрещал телефон резким и коротким зуммером, как обычно бывает при междугороднем звонке.

Гущин мгновенно пришел в себя и схватил трубку:

— Слушаю вас, алло.

— Здравствуйте Сережа! — услышал он знакомый голос шефа.

— Добрый день, Лев Михайлович, — вежливо ответил молодой ученый.

— Вашу кандидатуру я предварительно согласовал, — продолжил профессор. — Там не

против.

— Где это там? — удивился простодушный Паганель. — В Академии?

— Там — это там, где надо, — наигранно рассмеялся в ответ Макаровский. — В общем, жду вас с Анастасией в субботу, как и договаривались, часикам этак к семи, если вы, конечно, не передумали.

— Да, я нет, не передумал, то есть да, конечно, будем, — сбивчиво проговорил Сергей.

— Вот и отлично. До встречи.

— До свидания, Лев Михайлович, — молодой ученый медленно повесил трубку и снова задумался.

Звонок профессора, в котором, собственно не было ничего особенного, почему-то напугал его. Паганелю вдруг стало не по себе от навалившихся на него неприятных предчувствий. «Там, где надо...» Хм. Да, видимо, слишком рано он расслабился. Живы, значит, еще компетентные инстанции, обеспечивающие и контроль, и идеологию, и опеку. Лишь бы до репрессий не дошло.

«И куда это я вляпался? Знать бы», — ломал голову Сергей, каждой клеткой своего существа ощущая, как водоворот событий затягивает его все глубже и глубже.

Глава 6. В гостях у профессора

В назначенный час Паганель с Асей при полном параде стояли у дверей профессорской квартиры в сталинской высотке на Кудринской площади, которая в годы СССР именовалась площадью Восстания.

Сергея уже один раз принимали в доме Макарского, а вот девушка попала сюда впервые. Она была потрясена убранством хорошо известного всей столице дворца советской элиты. Никогда в жизни Ася не видела такого великолепия: инкрустированные мраморные полы и колонны с изящными капителями, позолота и лепнина, художественные барельефы, выполненные знаменитым скульптором Аникушиным, арки и расписные плафоны потолков, двери из мореного дуба и витражи, изготовленные по эскизам Павла Корина... Слов нет! Не дом, а музей. Эрмитаж...

Даже в скоростном лифте с панелями из красного дерева, мигом умчавшем юную пару на 17 этаж, можно было жить. И поскольку у советских людей обычно бытие определяет сознание, восторженной барышне хотелось буквально схватиться за блестящие бронзовые поручни и попросить в этой шикарной кабинке политического убежища, чтобы остаться здесь навсегда.

Для послевоенного времени дом был

новаторским и очень удобным. Не случайно сам Посохин — главный архитектор комплекса — намеревался тут поселиться. Жилье он спроектировал, как для себя: комфортное, просторное и функциональное. Дом изобилует техническими новшествами. В нем предусматривались, к примеру, полная радиофикация и телефонизация, включая специальную телефонную связь квартир с вестибюлем, диковинная для пятидесятых годов электрическая плита на кухне, автоматическая электромойка, автономное регулирование температуры в каждой квартире, центральная пылесосная установка и даже дробилка мусора — такая специальная электрическая мельница, размалывающая пищевые отходы в жиденькую кашу, которая затем спускалась в канализационную сеть.

Естественно, в доме жило множество знаменитостей. В разные времена в просторных вестибюлях высоты можно было запросто повстречать таких видных деятелей как академик Микулин, хирург Бакулев и чемпион мира по шахматам Смыслов, или же артистов Надежду Чередниченко с ее мужем Иваном Переверзевым, а так же известных актеров — Алейникова, Мирова, Новицкого, выдающихся летчиков Анохина, Громова, Коккинаки и многих других

замечательных людей.

«Если после Сережкиного повышения нам перепадет хотя бы тысячная доля этой роскоши, — думала Ася, — можно будет считать, что жизнь удалась».

Лифтовый холл на этаже, украшенный огромными зеркалами и штучным дубовым паркетом, заканчивался двумя квартирами, в одной из которых жил академик из Курчатовского института, а напротив, в просторных апартаментах с окнами, смотрящими на планетарий и зоопарк, — профессор МГУ Лев Михайлович Макарский, сын известного биолога Михаила Львовича Макарского.

Сергей поправил целлофановую упаковку пышного букета, который они с Асей купили в ларьке у метро, и нажал черную кнопку большого старинного звонка.

Дверь открыла супруга ученого, пожилая дама с потрясающей фигурой.

— Здравствуйте, молодые люди! — сказала она с улыбкой, и Асе стало ясно, что в прекрасном состоянии находится не только ее фигура, но и голос, и вообще вся она весьма изящна и молода душой. — Милости прошу, проходите.

Марианна Викторовна сделала приглашающий жест и впустила гостей в квартиру с высоченными, буквально уходящими под облака потолками. Движения хозяйки были плавны и

изысканно элегантно. И немудрено, поскольку в молодости она была известной балериной и в свое время блистала на сцене Большого театра.

Сергей не сомневался, что они с Асей быстро найдут общий язык на почве искусства и кулинарии.

— Какие красивые цветы! — с чувством проговорила Марианна Викторовна, может быть излишне театрально. — Ася, вас не затруднит поставить их в вазу? Вообще, почувствуйте себя, как дома. Распоряжайтесь. Еще минутка и будем пить чай.

За большим круглым столом было просторно, и это очень понравилось молодой барышне. Ее всегда вдохновляли большие чистые поверхности и аскетизм незаполненного пространства. Когда же во время праздников всю столешницу обычно заваливали различными яствами и приборами, так что и чашку поставить некуда, это вгоняло Асю в состояние ступора и легкой депрессии, и ей всякий раз хотелось скорее покинуть застолье.

Сервиз у хозяев был какой-то очень старый, должно быть фамильный. И ложечки были особой формы, старинные, с витыми ручками. И вся гостиная была обставлена монументальной громоздкой мебелью позапрошлого века, и атмосфера в ней была такая академическая, великосветская, что Асе казалось странным, как это

они до сих пор еще говорят за столом по-русски, а не по-французски или даже по-латыни.

И булочки, которые испекла Марианна Викторовна по случаю визита, тоже были непростые: рецепт этот сохранился еще от бабушки профессора, и весь секрет заключался в особой последовательности смешивания масла, сахара, яиц и прочих продуктов. И были эти булочки очень вкусными.

Разговор то сбивался в обычную светскую болтовню ни о чем, то как-то очень своеобразно переходил на околонаучные темы, то опять возвращался ко всяким пустякам и погоде. В общем, было мило.

Профессор Макарский фонтанировал красноречием и не скупился на комплименты в адрес Сергея. По всему было видно, что он гордится своим учеником и возлагает на него большие надежды.

— Вам, Ася, крупно повезло! — ораторствовал Лев Михайлович, сверкая глазами. — Мы стоим на пороге величайшего открытия. Вы даже не представляете, что это такое.

— Как интересно! — воскликнула Ася, всплеснув руками. — Может быть, вы объясните, профессор? Ну, хотя бы в двух словах.

— В двух словах... — крикнул ученый, не скрывая удовольствия от встречи с такой поистине

милой наивностью. — Если я когда-нибудь смогу объяснить это в двух словах, то уже на следующий день можно будет спокойно отправляться за Нобелевской премией.

Все дружно рассмеялись. Но Ася была упорна в своей настойчивости:

— И все же.

— Хорошо, — неожиданно согласился Макарский, — так и быть, прочитаю вам краткий курс биогеохимии, но чур не зевать и не падать под стол от скуки!

— Нет, что вы! — горячо возразила девушка и покраснела, увидев краем глаза, как улыбнулась Марианна Викторовна.

Макарский был неподражаем. Он говорил ярко и убедительно, жестикулируя и используя приборы, лежавшие на столе, в качестве наглядных пособий для аргументации. Такого взволнованного, красочного и образного выступления ни Паганель, ни тем более Марианна Викторовна от него никак не ожидали.

И Ася, конечно же, не заскучала, а совсем наоборот, все поняла и даже пришла в состояние какого-то детского восторга от откровений, которыми одарил ее старый ученый.

Вот, скажем, растет где-нибудь дерево или травка специфическая. Простые люди думают, что все это в порядке вещей, и проходят мимо. А для

биогеохимика сразу все ясно: если смогло здесь вырасти это дерево с мощными корнями, значит, горные породы в глубине не такие уж плотные, значит, есть в них трещины, по которым течет вода и несет с собой питательные минеральные вещества, иначе здесь вообще ничего бы не выросло.

А еще есть растения, которым для правильного роста нужны какие-то особые химические элементы. Не было бы этих элементов, не появился бы здесь такой цветочек. А уж если он вырос, значит, ищи рядом источник этих элементов. И вот так можно найти какие-то важные минералы, даже целые месторождения, ну или что-то в этом роде.

— Анчар, — полушепотом произнесла ошеломленная Ася, когда профессор, наконец, остановился.

— Что анчар? — удивился Лев Михайлович.

— Пушкинский анчар, — чуть громче и уверенней проговорила девушка. — Почему он вырос «в пустыне чахлой и скупой, на почве, зноем раскаленной»? Ведь неспроста торчит он «один во всей вселенной» посреди большой равнины, да еще и напитанный ядом! Уж биогеохимик-то объяснил бы, почему, и что там, под этим анчаром, какие такие особенные горные породы. Ну, и начал бы копать канаву или шурф. Глядишь, и нарыл бы

чего-нибудь...

— Гениально! — восхитился Макарский. — Более способного слушателя я еще не встречал. Поздравляю вас, Сережа. Ваша прелестная подруга бесспорно достойна самых высоких похвал.

— Вот видишь, Серенький! — задорно рассмеялась Ася. — А ты меня не ценишь и только постоянно ругаешь. Вот объясни, почему ты никогда не рассказывал мне, чем занимаешься? Боялся, что не пойму?

Сергей замялся и не нашел, что ответить, тем более, что он действительно много раз порывался посвятить Асю в проблемы, которыми жил, но она всегда уваливала от подобных разговоров и не желала слушать всю эту научную муть. Между тем девушка, уже обращаясь к профессору, продолжила:

— Замечательно, Лев Михайлович! Но это ведь была только вводная лекция... А в чем, собственно, состоит ваше величайшее открытие?

— О, это очень серьезный вопрос, — загадочно произнес Макарский, подняв вверх указательный палец. — И к тому же, пока большой секрет. Скажу только, что есть в природе один любопытнейший минерал, и анчар у него свой тоже имеется. Вот этим-то мы и будем скоро заниматься. Не так ли?

Старик пристально посмотрел на Паганеля.

Тот в ответ еле заметно кивнул.

— Ну, хорошо, милые дамы, вы тут пока еще почаевничайте, а мы с Сергеем Николаевичем ненадолго уединимся. Нам надо обсудить кое-какие дела, — объявил профессор и пригласил Гущина в кабинет.

— Вы произвели на Льва Михайловича неизгладимое впечатление, — сказала хозяйка, когда мужчины покинули гостиную. — Давно я не видела его таким словоохотливым. Честно говоря, я, так же как и вы, Ася, по большей части живу в неведении относительно того, чем на самом деле занимается мой муж. И скажу вам откровенно, так даже лучше. Вы не представляете, в каких сферах ему приходится вращаться. Так что, как говорится — меньше знаешь, крепче спишь.

— В каких сферах? О чем вы, Марианна Викторовна?

— В тех сферах, — супруга профессора взглядом указала вверх.

Девушка смутилась и робко пододвинула к себе недопитую чашку.

— А мужа вашего, он действительно очень ценит, — добавила балерина.

— Мы не женаты, — тихим голосом поправила ее Ася.

— Это не важно, — вздохнула хозяйка, — в любом случае, вы уже взвалили на плечи эту

непосильную ношу — быть спутницей ученого. Готовьтесь, будет много радости, но и печали тоже...

Девушка кивнула, хорошо понимая, о чем говорила Марианна Викторовна. Повисла неловкая пауза.

— Расскажите лучше, как вы познакомились со своим Сергеем, — желая разрядить обстановку, попросила хозяйка.

— Мы с детства знакомы, — охотно ответила Ася, — жили в одном дворе.

— Друзья детства, получается?

— Да.

— Каким он был тогда?

— Да, в общем, он не сильно изменился, — улыбнулась девушка.

— И все-таки.

— Веселым, умным, безалаберным, — продолжила Ася. — Мы вместе ходили в сад, потом в школу, во дворе вместе играли. С ним всегда было здорово, хоть он, кажется, с самого рождения был махровым разгильдяем. Меня, впрочем, это никогда не смущало. Что еще сказать? Худющий, вечно всклокоченный, растрепанный, в синяках и ссадинах, с дырами на одежде и карманами, полными всяких интересных шуток — вот такой он, мой Серенький.

— Как это мило, — мечтательно вздохнула

Марианна Викторовна. — Хотите еще чаю?

— Да, пожалуй. Спасибо.

— А вы знаете, на самом деле они очень похожи, — сказала супруга профессора, подливая девушке свежей заварки.

— Кто? — не поняла Ася.

— Лев Михайлович и Сережа, конечно, — рассмеялась хозяйка. — Левушка ведь не сразу стал профессором. Тоже в юности балбесничал, и ухаживал за мной как-то неумело, но искренне. И это было чем-то особенным, скажу я вам, ведь в моем театральном окружении не было таких искренних людей.

Ася почувствовала в Марианне Викторовне родственную душу, и они еще долго беседовали, поверяя друг другу сокровенные тайны. Выяснилось, что Льва Михайловича, как и Серенького, тоже воспитывала бабушка. Отец профессора был все время занят, а мать трагически погибла, когда Макарскому едва исполнилось четыре года. Научная карьера у Льва Михайловича складывалась стремительно и весьма удачно, но с семьей не все ладилось. Своих детей у них не было. Ну да, ведь с балеринами такое часто бывает. Может быть, именно поэтому пожилой ученый с такой сердечностью относился к своему воспитаннику?

Под конец Марианна Викторовна даже

показала девушке альбом со старыми семейными фотографиями. На одной из них был отец профессора еще совсем молодой. Странно, но эта фотография очень запомнилась Асе: Михаил Макаровский за работой в экспедиции, с лупой в руках, через которую он рассматривает ветку какого-то растения. То ли свет был такой, то ли ракурс, но девушке показалось, что вот наложи сейчас на Серенького немного грима, и вообще не отличить, прямо одно лицо... Дрожащими пальцами она едва коснулась фотокарточки. Разве такое возможно? У Аси перехватило дыханье.

— Вы тоже это заметили? — догадалась супруга профессора.

Ошарашенная гостя сидела не в силах произнести ни слова.

— Милая моя девочка, — вздохнула Марианна Викторовна. — Это все неспроста. Неведомыми путями действует судьба, уж вы мне поверьте.

В кабинете между тем шел серьезный разговор двух ученых.

Глава 7. Доверительная беседа

21 сентября 1932 года

Вчера, работая у грота в

восточной стене скального массива, возникшего на месте напластования древних магматических образований, я наткнулся на странное кустистое растение с широкими и плотными мясистыми листьями сердцевидной формы, немного маслянистыми на ощупь, напоминающими гинкго. Цвет листовой пластины в массе темно-зеленый, но к раздвоенной верхушке он становится переливчато-радужным, как бывает с тонкой бензиновой пленкой на поверхности лужи. Радужная побежалость повторяет форму изгибающихся прожилок и выглядит как многослойное цветное сердечко с перламутрово-фиолетовым центром, чернеющим по краям, и далее к периферии: слой бледно-голубоватый, переходящий в тонкий светло-зеленый, потом оранжевый, затем обширное кирпично-красное поле. В целом, если абстрагироваться, картина очень напоминает разрезанное яйцо, сваренное в крутую, где роль желтка выполняет фиолетовый центр, а вместо белка — широкое кольцо красного цвета. В роли скорлупы

выступают два тончайших слоя ярко-желтого и нежно-фиолетового цветов по периферии узора. Далее идет зона изумрудно-зеленого цвета, плавно переходящего в глубокую зелень базовой окраски листа. Это было потрясающе красивое растение, выглядевшее, как раскрытый хвост павлина, яркий, праздничный и сказочно прекрасный.

В лагере листья произвели настоящий фурор. Николай Иванович, как восхищенный ребенок, ликовал и прыгал от счастья, приговаривая, что я открыл новый вид, совершенно неизвестный науке. По всей видимости, это был какой-то очень редкий эндемик.

Карлуш Роналду тоже заинтересовался находкой. Он задумчиво повертел лист в руках и сказал:

— Никогда такого не видел, но старики говорят, что растет где-то в сельве волшебная трава под названием чупа инка пичинчу (хвост царь-птицы) с павлиньими пхуру вместо листьев. Кто найдет чупа, принесет счастье всему племени, поскольку перед ним откроется

великая тайна древнейших белокожих сыновей богов.

— Прямо как наш цветок папоротника, — поддержал Николай Иванович, отвечая то ли Карлушу, то ли куда-то в пустоту.

— Несомненно, это серьезное открытие, — отозвался Густав, — но мне представляется странным, что предкам уари были известны павлины. Они ведь не водятся в Южной Америке, не так ли? Чувствую, здесь будет еще много загадок.

Я тоже подключился к разговору и рассказал, что слышал, как где-то в пещерах Бразилии, открытых англичанами в пойме Риу-Синжу, одного из бесчисленных притоков Амазонки, был обнаружен древний алтарь загадочного племени белых индейцев, живших в этих местах много тысяч лет назад. По легенде представители этого племени, которых некоторые экзальтированные исследователи считают прямыми потомками атлантов, хранили некие древние знания, стараясь не смешиваться с окрестным темнокожим населением. К алтарю, мол, вел подземный проход,

который искатели приключений назвали галереей павлинов, поскольку стены туннеля были отделаны плитами с искусными изображениями этих величественных птиц.

— Ну, не знаю, — скептически заметил Густав, — насколько можно доверять таким слухам...

— Так или иначе, — резюмировал Николай Иванович, — это хоть как-то объясняет, откуда индейцы могут знать царь-птицу инка пичинчу.

— О да, — откликнулся простодушный Карлуш, — индейцы могут знать инка пичинчу.

Все дружно рассмеялись, но наш краснокожий проводник остался серьезен:

— Листья чупа инка пичинчу, — продолжил он без тени иронии, — указывают путь к волшебным шаманским камням, которых никто никогда не видел.

— Что за камни? — поинтересовался Николай Иванович, все еще улыбаясь.

— Не знаю, — глухо ответил индеец. — Так говорят.

За окном стремительно темнело. В кабинете Макарского было мрачновато, но профессор решил не зажигать верхний свет, ограничившись лишь настольной лампой.

— Что будете пить? Коньяк, виски, текилу? — профессор предложил Сергею сесть в удобное старинное кресло, обтянутое кожей, а сам подошел к открытому секретеру, за которым, как солдаты, выстроились вдоль стены высоченные стеллажи с книгами, и протянул руку к зеркальным полкам бара.

— Пожалуй, немного коньяку, — скромно согласился Гущин.

Пожилой ученый достал пару бокалов и плеснул в них ароматной янтарно-чайной жидкости из пузатой заграничной бутылки.

— Ну-с, коллега, — сказал он после небольшой паузы, — каково ваше мнение?

— О чем? — для приличия уточнил Паганель, предоставляя учителю возможность сделать более развернутое вступление.

Но профессор, похоже, и не собирался блистать красноречием:

— Вы ведь уже ознакомились с материалами Великанова?

Лев Михайлович снова сделал паузу и посмотрел на ученика, тот в ответ утвердительно кивнул:

— Так что скажете, молодой человек?

— Тут много загадок, — ответил аспирант, поняв, что разговор будет конкретным и деловым, — и самая главная из них, конечно же, исанит. Что это за таинственный минерал, о котором никто ничего не слышал? Если это такое большое открытие, то почему нет ни дискуссий, ни публикаций? Что это вообще такое?

— Материалы по этому делу долгое время были строжайше засекречены. Однако сейчас времена изменились, и труба снова зовет. Скоро вы все поймете, — уклончиво и бесстрастно заметил Макарский, сделав маленький глоток коньяку. — Вы правы, открытие Юрия Александровича сильно опередило его эпоху. И его значение начинают оценивать только сейчас, а тогда даже Виктору Ефимовичу Ковтуну, пытавшемуся продвигать эту авангардную тему, не давали развернуться в полную силу. Оно и понятно. Родине нужен был уголек, а не какие-то там цветочки, павлиньи хвосты и шаманские камушки.

Сергею показалось странным, что Лев Михайлович вызвал его на разговор, но при этом по-прежнему продолжает ходить вокруг да около, словно стараясь о чем-то умолчать:

— А что изменилось? — дерзко и не в меру заносчиво поинтересовался молодой человек. — Родине теперь понадобился павлиний хвост?

— Ценю вашу иронию, — по-отечески снисходительно улыбнулся Макаровский, удобно усевшись за свой рабочий стол, — но именно так и обстоят дела. Проблема в том, что исанит помимо оптической анизотропии, выявленной Великановым, обладает еще одним чудесным свойством. С его помощью можно ни много ни мало управлять ядерной реакцией: повернул кристалл так, и реакция ускоряется, повернул наоборот — замедляется. Представляете, какие это открывает перспективы для энергетики, для освоения космоса, для военно-промышленного комплекса. Это революция! Переворот во всех наших представлениях о материи и энергии... Проблема только в одном. Кроме незначительного месторождения, обнаруженного в тридцатые годы в Колумбии, этот загадочный камень больше нигде в природе не встречается за исключением еще одной точки в бассейне Амазонки неподалеку от восточного побережья Бразилии, где, несмотря на активные поиски, были найдены всего два маленьких кристалла, и совершенно бесперспективного проявления молекулярных следов минерала в Венесуэле в бассейне реки Ориноко. Ну, что скажете? Учитывая

вышеизложенное, знаете, сколько стоит один грамм колумбийского исанита?

— Могу только догадываться, — насупился Паганель.

— Не можете. За все время существования карьера, а разрабатывать его начали в конце пятидесятых годов, исанита, пригодного для промышленного использования, добыто от силы полторы тонны, то есть в среднем по тридцать семь с половиной килограммов в год! Если учесть, что треть этой массы ушла на исследования и эксперименты, то остается всего лишь тонна. Такого количества не хватит даже для ледокола, не говоря уже про полноценную атомную электростанцию. Об обороне или космической отрасли я вообще молчу...

— Это все ужасно интересно, профессор, — перебил его Сергей, — но хотелось бы все-таки поподробнее узнать о свойствах исанита? Хотя бы в общих чертах, какова их природа? Что за принцип лежит в основе управления ядерной реакцией?

— А этого точно никто не знает. Но можно сказать определенно, что исанит не вполне минерал, и в этом кроется его тайна, — Макарский решил не обращать внимания на напористый тон ученика. — То есть, он вообще не минерал в классическом понимании этого слова. При определенных условиях он начинает проявлять себя

как живое существо. Однако и растением его назвать невозможно. Даже простейший вирус на много порядков сложнее организован, чем молекулярная структура исанита. То есть он как бы и живой, и неживой одновременно. В чем же здесь хитрость? Посмотрите на его кристаллическую решетку. Исанит не отвечает ни одной из известных сингоний, характерных для минералов. Его симметрия — пятилучевая, что встречается только в растительном и животном царствах, а между тем формы его застывшие, и кристаллическая решетка плотна и стабильна. К тому же, он, хоть и тверд, но обладает некоторыми характеристиками жидкости и даже газа. Помните, как ведет себя сера при нагревании: она то плавится, то снова твердеет при повышении температуры, то превращается в горючий газ, то в виде жидкости начинает возгораться от трения с воздухом. И это всего лишь обычная сера. А с исанитом вообще полная чехарда. Это какая-то новая форма агрегатного состояния, доселе не известная человечеству, не побоюсь этого слова. Нечто отдаленно напоминающее вышеуказанные свойства исанита еще в начале восьмидесятых описал израильский ученый Дан Шехтман, работавший с различными сплавами. Полученная им картина дифракции содержала резкие пики, типичные для кристаллов, но при этом в целом имела симметрию икосаэдра,

то есть, обладала осью симметрии пятого порядка, невозможной в трехмерной периодической решетке.

— Вы говорите о квазикристаллах? Я правильно понимаю.

— Совершенно верно. Шехтман впервые открыл квазикристаллический сплав, который впоследствии был назван в его честь шехтманитом. Помнится, научный мир тогда принял в штыки эти исследования, а критики, так просто засмеяли. Но работники наших секретных лабораторий, к тому времени уже много лет занимавшиеся исанитом, отнеслись к разработкам Шехтмана более чем серьезно.

— Значит, шехтманит имел икосаэдрическую симметрию? — уточнил Сергей.

— Не совсем так. Это в исаните мы наблюдаем икосаэдрическую симметрию во всей ее красе, а в экспериментах Шехтмана, предрекших скорое открытие неведомой формы вещества и по сути новой структуры организации материи, мы видим лишь ее следы, хотя более поздние и тонкие эксперименты доказали, что симметрия икосаэдра присутствует на всех уровнях квазикристаллов, вплоть до атомного. К сожалению, квазикристаллы Шехтмана нестабильны и проявляют свои свойства только в начальных фазах затвердевания расплава, состав которого значительно отличается от состава

твердой фракции.

— Мне сразу же вспоминаются таблицы предельных групп симметрии Кюри. Он ведь тоже выделял икосаэдрические формы как одну из возможностей организации материи, — рассуждал вслух молодой ученый.

— Естественно, и тем самым предвосхитил открытие и исанита, и квазикристаллов, предположив возможность икосаэдрической симметрии в кристаллических формах неживой материи, — поддержал его Макарский.

От услышанного у Паганеля закружилась голова:

— А чем будет заниматься наш проект?

— Вот тут мы и подходим к самому интересному. Наша задача выдать родине на-гора нужный объем качественного исанита, причем, обеспечить его стабильный приток в промышленных масштабах, — назидательно проговорил профессор с легким укором за прежнюю нетерпеливость и ершистость ученика.

— Неужели мы будем искать месторождения исанита? — восхищенно воскликнул Паганель, начиная осознавать масштабы предстоящих исследований.

— Увы, мой юный друг, кроме точечных колумбийских выработок, к величайшему сожалению, исанита на земле больше нет нигде, —

Лев Михайлович развел руками. — Это доказано многолетними исследованиями и экспедициями академика Ковтуна. С его отчетами и полными материалами вы, конечно же, сможете ознакомиться, как только оформите соответствующие документы и дадите подписку о неразглашении. Вы ведь должны понимать, на каком уровне нам предстоит работать, и какие силы подключились к реализации этого проекта.

— Так что же нам тогда предстоит делать? — не унимался Паганель.

— Мы будем заниматься научными разработками в области синтеза исанита, — твердо проговорил профессор и внимательно посмотрел в глаза аспиранту.

— Синтеза? Я не ослышался?

— Да, синтеза.

— Разве это возможно? — Сергей был изумлен. — Мы до сих пор не знаем что такое исанит, как же нам тогда его синтезировать? Как-то страшновато... Даже оторопь берет. А что если у нас ничего не получится.

— Получится. Дорогу осилит идущий, — подбодрил ученика Макаровский. — Тем паче, мы ведь не с нуля начинаем. Вы еще не знаете, сколько всего уже сделано на этом поприще. Поверьте пока на слово, коллега, первые результаты уже есть, и они впечатляющи. Исследования клеточной

структуры павлиньего хвоста как спутника месторождения исанита показали, что в тканях растения присутствует микроскопические проявления этого минерала. Причем вещество это не привнесено извне, живой организм сам синтезирует его примерно так же, как он выделяет кислород из воды и углекислоты в процессе фотосинтеза. Здесь нам нужен серьезный прорыв. За океаном ведь тоже не дураки сидят, работают так, что аж дым коромыслом. Надо срочно ускорить обороты, и мне нужны толковые помощники. Вы со мной?

Гущин не стал долго размышлять:

— Разумеется, да! — взволнованно вскричал он в ответ.

— Отлично! Детали и формальности обговорим после, а сейчас предлагаю вернуться к нашим милым дамам.

Лев Михайлович осушил бокал и встал из-за стола, намереваясь покинуть кабинет.

— Одну минуточку, профессор, — задержал его Паганель. — Дайте дух перевести. К тому же, у меня есть еще пара вопросов с вашего позволения.

— Ну, давайте ваши вопросы, — благосклонно выдохнул Макаровский, возвращаясь в свое рабочее кресло.

— Вы сказали, что Виктор Ефимович предпринимал попытки найти исанит.

— Естественно. Он ведь был в той экспедиции с Вавиловым и Великановым, даже самолично бил шурфы и держал в руках первые найденные шаманские камни.

— А что было дальше?

— Дальше... — Лев Михайлович задумался. — Вернувшись в Москву, он активно помогал Юрию Александровичу в его научно-исследовательской работе и был свидетелем всех достижений и открытий, связанных с исанитом, в частности, его изменяющегося лучепреломления при повороте кристалла на 72 градуса вокруг вертикальной оси: сначала двойного при 18 градусах, как у кристаллов исландского шпата, затем при новом повороте до 36 градусов — тройного, и еще раз двойного при 54 градусах, и наконец снова одинарного при закрытии пятилучевого сектора. Или же взять хотя бы образование спектральных окантовок при аналогичном повороте кристалла вокруг горизонтальной оси, перпендикулярной противоположным граням в центральном поясе десяти треугольников, и изменения его цвета. Все двенадцать вершин икосаэдра лежат по три в четырех параллельных плоскостях, образуя в каждой из них правильный треугольник — эту геометрическую особенность заметили еще древние. Десять вершин икосаэдра лежат в двух

параллельных плоскостях, образуя в них два правильных пятиугольника, а остальные две — противоположны друг другу и лежат на двух концах диаметра описанной сферы, перпендикулярного этим плоскостям. И как ни крути кристалл, в каждом направлении оптико-спектральные показатели изменяются! Фантастика!

Исанит поистине оказался чудом анизотропии, которая проявлялась не только в его оптических свойствах, но и в электромагнитных. При низких температурах он демонстрировал аномально высокое электрическое сопротивление, а с ростом температуры сопротивление прогрессивно уменьшалось, превращая идеальный изолятор в прекрасный проводник. Та же катавасия и с магнитными свойствами. При определенных условиях исанит вел себя как классический диамагнетик, однако стоило изменить условия, как он тут же, как по волшебству, становился парамагнетиком. Что там происходит с атомами в узлах его кристаллической решетки, уму непостижимо!

Касательно механических свойств — это вообще отдельная песня. Например, по упругости исанит ближе всего к аморфным веществам, нежели к кристаллам. Однако он менее пластичен, чем сходные по химическому составу кристаллы и,

очень тверд — почти девятка по шкале Мооса.

Сотрудники биогеохимической лаборатории, созданной научным руководителем Великанова академиком Виноградовым — в те годы еще профессором, — были на вершине творческого подъема. Они прекрасно понимали, что столкнулись с неизвестным природным феноменом, возможно даже имеющим внеземное происхождение. Во всяком случае, подобные, мягко говоря, экстравагантные идеи время от времени звучали, особенно из уст молодых ученых, таких как тогдашний Ковтун. Юрий Александрович самозабвенно трудился, осознавая всю важность сделанного им открытия. Временами он настолько увлекался, что забывал о еде и сне: мог работать сутками напролет без малейших признаков усталости. Виктор Ефимович рассказывал мне, что когда сотрудники поутру приходили в лабораторию, они нередко заставали шефа в той же позе у микроскопа, в какой оставляли его накануне вечером. О, это было время великих экспериментов! Параллельно шли исследования образцов живых тканей павлиньего хвоста, привезенных из Колумбии, и всякий раз природа удивляла ученых.

А потом Великанова арестовали, все рабочие материалы конфисковали, публикации изъяли, а самого Юрия Александровича... Ну, вы знаете...

Ассистент Ковтун тогда сам чудом избежал той же участи — молодого ученого спасла его юность, неосведомленность и то, что он в это время находился в долгой командировке в Мезени, куда и не добраться никак, разве только по зимнику, а вертолетов в ту пору еще не было. К изучению исанита он смог вернуться лишь после войны, уже став профессором. Вот тогда-то, на волне подъема, обусловленного политическим адреналином от создания атомного оружия, и были открыты самые главные свойства минерала. Тогда же, еще при жизни Сталина, была организована большая поисковая экспедиция в Южную Америку, замаскированная под консультирование при крупномасштабном геологическом картировании по приглашению правительств Колумбии, Бразилии и Венесуэлы. Естественно, руководителем всех работ был назначен Виктор Ефимович как ближайший ученик профессора Великанова. Однако в Колумбии на точках, описанных еще во время первой экспедиции, к тому времени уже орудовали американцы, вдобавок вся обширная территория вокруг месторождения вдруг оказалась частной собственностью какого-то колумбийского магната по имени дон Педро, и советским геологам напрочь запретили даже на 10 миль приближаться к заветному плато, где впервые были обнаружены и заросли павлиньего хвоста, и голубые кристаллы.

— Что за дон Педро? — поинтересовался Сергей.

— Да откуда я знаю? Мало ли в Бразилии Педров, — сострил Макаровский.

— Вы имели в виду в Колумбии, — уточнил Паганель, видимо не смотревший фильм «Здравствуйте, я ваша тетя» с великолепным Калягиным в главной роли.

— Ну да, в Колумбии, — исправился профессор и ухмыльнулся. — Некто дон Педро Нуньес де Бальбоа.

— А что же Виктор Ефимович?

— А Виктору Ефимовичу тогда пришлось сконцентрироваться на поисках проявлений исанита в других местах, но, как вы уже знаете, совершенно безуспешно. Увы, серьезных результатов не было в течение нескольких сезонов, и в итоге экспедицию пришлось закрыть.

Профессор замолчал и погрузился в раздумья. Ему припомнились былые годы, когда он только соприкоснулся с проблематикой исанита. Молодому геохимику Макаровскому тоже страстно хотелось найти новое месторождение заветного минерала. Какими же порой сложными и непредсказуемыми путями пробивается к людям свет истины! Сколько препон, сколько трудностей подстерегают его повсюду — и не счесть!

— Скажите, Лев Михайлович, а что Густав

фон Хиппель, какова его дальнейшая судьба? — прервал паузу Гушин. — На полях статьи стоит пометка, сделанная рукой академика Ковтуна. Интересно, удалось ли ему разыскать лаборанта из Берлина?

— А вы внимательны, Сережа! Похвально, — заметил профессор. — Нашел ли Виктор Ефимович Хиппеля, говорите? И да, и нет. С приходом к власти Гитлера, молодой немец отрекся от коммунистических идей и перешел на сторону национал-социалистов. В 1934 году он вступил в НСДАП и до войны работал сначала у Альберта Шпеера, а затем, кажется, в лабораториях Вольфрама Зиверса.

— Аненербе? — удивился Сергей.

— Получается так. Трудно сказать, пережил ли он войну. Думаю, скорее всего, нет: вероятно, сгинул в концлагере, или погиб на фронте где-нибудь под Ржевом. В общем, что с ним случилось в дальнейшем, мне совершенно неизвестно. Сами понимаете, открыто интересоваться судьбой фашистских прихвостней у нас в стране как-то не очень принято. Ну, да и бог с ним. Вернемся лучше к нашим баранам. На чем мы остановились?

— На том, что академик Ковтун не смог найти исанит, — мгновенно подсказал Паганель.

— Да, — подтвердил Макаровский, — увы... Ни исанита, ни павлиньего хвоста — все без толку.